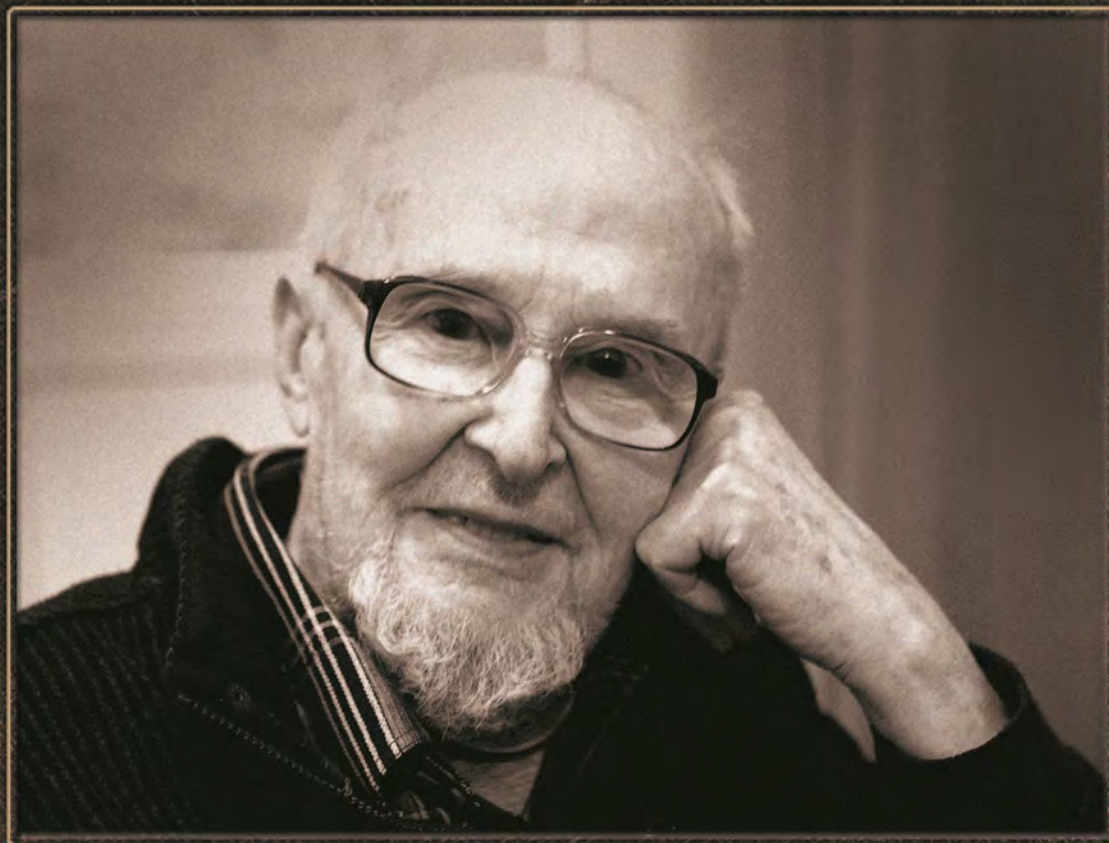

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Одиссея

АКАДЕМИКА
ЕВГЕНИЯ
ПЕТРОВИЧА
ЧЕЛЫШЕВА

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

**«ОДИССЕЯ»
АКАДЕМИКА
ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВИЧА
ЧЕЛЫШЕВА**

Москва
2020

ББК 84(2)
УДК 82-94
О-42

Авторская обработка текста:

Чельшев Дмитрий Евгеньевич, журналист-международник, индолог,
кандидат исторических наук.

Подбор и оцифровка фотографий:

Чельшев Андрей Дмитриевич, социолог, маркетинговый аналитик,
кандидат политических наук.

О-42 «Одиссея» академика Евгения Петровича Чельшева / Составители Д. Е. и А. Д. Чельшевы. — М. : Институт Наследия, 2020. — 112 с. : ил. — DOI 10.34685/НИ.2020.49.12.002.
ISBN 978-5-86443-322-5

Данный фотоальбом — это, по сути дела, попытка «объять необъятное» — в сжатой и лаконичной форме описать, а самое главное, иллюстративно представить очень долгую, насыщенную яркими событиями и творческими свершениями жизнь академика Евгения Петровича Чельшева. В издании приводятся во многом уточненные и документально подтвержденные сведения о роде Чельшевых и Соколовых, рассказывается о детских и юношеских годах Евгения Петровича, о тяжелых испытаниях военных лет, выпавших на его долю, последующей учебе и научной деятельности.

Особое внимание уделяется его «индийской эпопее» — плодотворной общественной и научной деятельности по укреплению российско-индийской дружбы и гуманитарного сотрудничества, а также многогранной и продуктивной работе в Российской академии наук.

Автор фото 1 стр. обложки и празднования 95-летия академика Е. П. Чельшева — В. Грачёв.

ISBN 978-5-86443-322-5

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Призвание объединять людей.....</i>	<i>4</i>
<i>Истоки .....</i>	<i>13</i>
<i>Война .....</i>	<i>34</i>
<i>Военный институт иностранных языков ....</i>	<i>43</i>
<i>Индийская эпопея .....</i>	<i>47</i>
<i>Академия наук .....</i>	<i>85</i>

ПРИЗВАНИЕ ОБЪЕДИНЯТЬ ЛЮДЕЙ

Анис Хабибович ВАФА

Я написал эти заметки, одну — к 85-летию Евгения Петровича Чельшева, другую — к его 95-летию, потому что думаю, что у меня есть некоторое право писать о нем, о его жизни и деятельности.

С ним я плодотворно сотрудничаю на протяжении почти шестидесяти лет. Мне довелось принимать участие в осуществлении его начинаний, замыслов и планов. И это независимо от того, где бы мне приходилось работать — в Институте ли востоковедения, в Институте искусствознания или в театральном училище имени Б. В. Щукина.

Всегда мне были очень близки направления его научных исследований, его общественная позиция, строй его души. Особенно тесно и плодотворно мы сотрудничали в годы, когда я работал в составе группы научных сотрудников в Отделении литературы и языка РАН, академиком-секретарем которого был Е. П. Чельшев.

Нельзя было не восхищаться его блестящими научно-организационными решениями, умением сосредоточить большие гуманитарные коллективы на осуществлении масштабных исследовательских и общественно-значимых проектов, тонким знанием человеческой природы, способностью спланировать и объединять людей.

Я многим обязан Евгению Петровичу, за многое благодарен ему, многому у него научился.

Прошло десять лет... Мы отметили его 95-летний юбилей. Он все тот же. Поражает своим жизнелюбием и жизнестойкостью. По-прежнему весь в трудах и заботах; как всегда, окружен людьми, своими соратниками, учениками, коллегами. Все так же велик диапазон его общественной и научной деятельности, его творческих исканий, его бесконечных размышлений о судьбах мира и Отечества. Конечно, Отечество — прежде всего. Когда-то Евгений Петрович сказал мне с упреком: «У тебя не государственный масштаб мышления». Я немного обиделся. Но по трезвому размышлению уразумел, что он был прав. Ведь он же отсчитывал от своего масштаба, всегда оставаясь государственным с большой буквы. Причем это такое государственничество, которое открыто не только любви к Родине, но и к пониманию других народов и государств.

О научных трудах Евгения Петровича, его научно-организационной и общественной деятельности уже было написано не раз. И я тоже буду говорить об этом. Без этого не обойтись. Ведь речь идет, как признают его коллеги, о выдающемся ученом-филологе и культурологе, талантливом литературоведе, чьи труды полу-

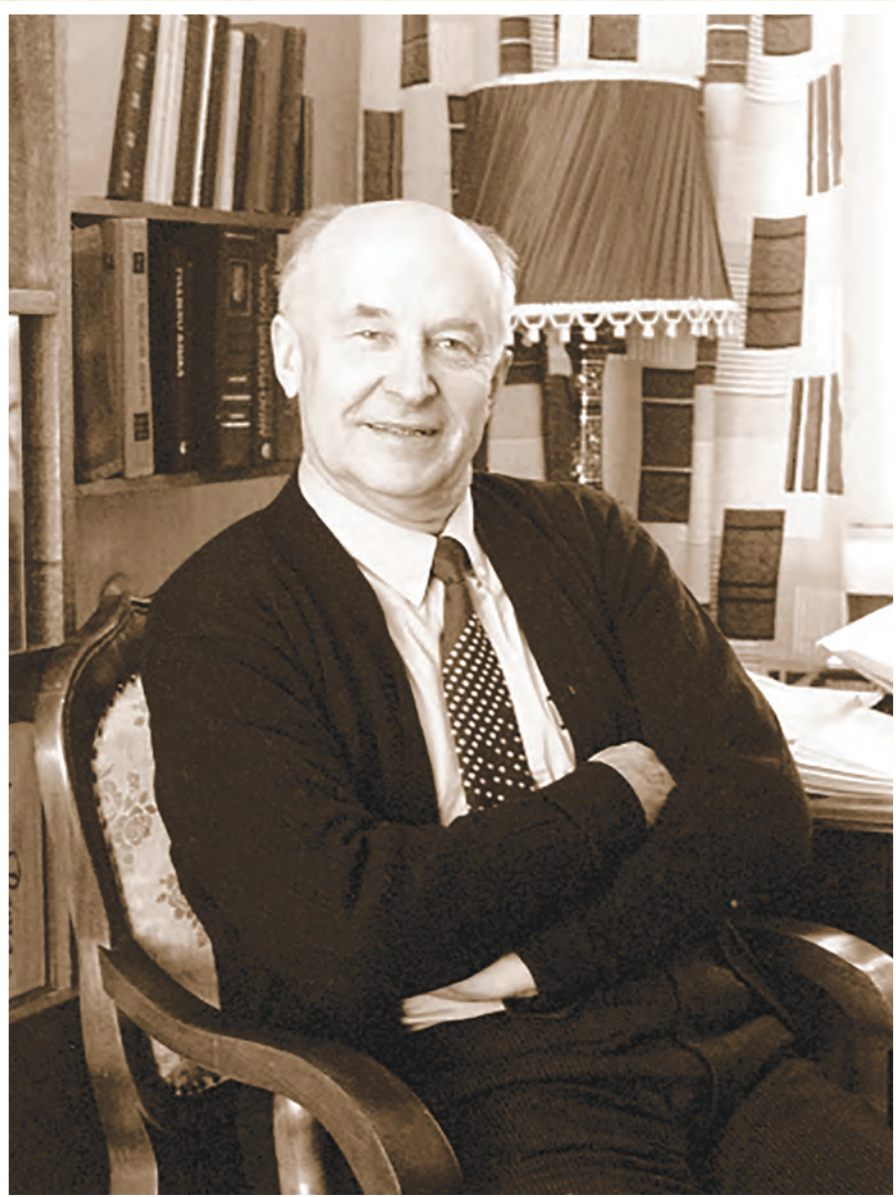
чили признание в нашей стране и за рубежом. Но и на его научные штудии, и на его научно-организационную и общественную работу я бы хотел взглянуть с точки зрения того, как во всех этих направлениях проявились его человеческие качества, его характер, стиль мышления и деятельности.

Евгений Петрович, как и всякий настоящий ученый, подчинил исследовательской работе весь строй своей жизни. Лет десять тому назад в его кабинете академика-секретаря Отделения литературы и языка Российской академии наук побывал известный специалист по истории отечественного востоковедения А. П. Базиянц. По окончании визита Базиянц зашел и в мой, находящийся по соседству, кабинет, сообщил, что весьма удовлетворен беседой. При этом раздумчиво добавил: «Нет, у него не кабинет ученого...» Комментировать эту реплику я не стал, но прекрасно понял, что имел в виду Базиянц. В служебном кабинете академика-секретаря стол не был завален книгами и бумагами, и вообще в помещении не было ничего лишнего. Евгений Петрович, сколько могу припомнить, никогда не занимался на службе литературной и научной работой. Зато дома... Я совершенно не намерен описывать комнату, в которой он предавался научным и литературным трудам. Но одна деталь. Недавно Евгений Петрович с удовлетворением сообщил, что домашние приобрели для него низенькую скамеечку, чтобы ему удобнее было разбирать книги и бумаги, сложенные на полу.

Книги... Ах, эти книги, источник знаний. Их всегда мало. Да что там ставить, их просто класть ему уже больше некуда. Купленные, даренные, привезенные из-за рубежа. Книги на рус-

ском, английском, немецком, хинди, урду, санскрите. И рукописи, нередко сразу несколько, над которыми работа шла параллельно. Евгений Петрович передал прекрасные книжные собрания Библиотеке иностранной литературы. А когда-то все это было дома... Думаю, его домашний кабинет не оставил бы у досточтимого А. П. Базиянца сомнения в том, что перед ним обитель не просто ученого, а подвижника науки. Евгений Петрович часто повторял слова Великого князя К. К. Романова, говорившего, что для него самые лучшие часы — это вдохновенный труд за письменным столом.

Итог? Опубликовано более шестисот исследований. Шестнадцать из них — фундаментальные монографии. Шесть монографий изданы в Индии на английском и хинди. Три тома «Избранных трудов». Удивительное разнообразие тем, фактов, проблематики. Прежде всего, конечно, это книги по истории индийских литератур — «Современная индийская литература», «Индийская литература вчера и сегодня», «Литература хинди», «Сурьякант Трипатхи Нирала», «Сумитранандан Пант». Это также книги, посвященные Востоку в целом, взаимосвязям с Россией, отношениям Востока и Запада — например, два фундаментальных труда «Сопричастность красоте и духу. Взаимодействие культур Запада и Востока» и «Времен связующая нить». Это его книги об эмиграции первой волны, из которых я назову «Российская эмиграция. 1917–1920 гг. Прошлое и современность». Это его исторические, литературно-критические произведения и переводы трудов индийских авторов. Это его лингвистические и литературоведческие труды по русистике.

«Одиссея» академика
Евгения Петровича Чельшева

И, наконец, культурологические исследования и мемуаристика. Возможно, я назвал не все. Конечно, не все я сказал об инициированных им коллективных исследованиях и о его значительном вкладе в подготовку многотомных обобщающих академических трудов.

Знакомясь со списком его научных трудов, можно поражаться широте тематического диапазона и объему написанного. Помню, в молодые годы я выразил восхищение как раз объемом написанного одним из своих коллег-востоковедов. На что мой собеседник хмуро заметил: «Лучше бы он поменьше писал». Так что дело не в объемах самих по себе. Хотя и объемы кое-чего стоят. Например, они стоят дней и ночей, потраченных Евгением Петровичем на освоение хинди, урду, фарси, санскрита и английского. За исключением фарси и санскрита, он свободно читает, пишет и говорит на этих языках. А чего стоит постоянно быть в материале — читать индийских и английских поэтов в оригинале; постоянно просматривать критику, исследования, прессу на этих языках. А быть погруженным в русскую литературу, музыку, театр, живопись, фольклор; знать и аналитически осмысливать отечественную востоковедную литературу и, причем, не только по своей специальности. Слово «трудоголик» мне не нравится — не те ассоциации. У Евгения Петровича есть не только трудолюбие. Есть «вработанность», неумение не работать. По-моему, он и не отдыхает в общепринятом смысле слова. Как-то он спросил — есть ли при мне записная книжка, куда я могу записать интересные соображения о тех проблемах, которыми занимаюсь. Был удовлетворен, когда я сказал, что

есть. Признался — у него всегда с собой такой блокнот, и, более того, даже на ночном столике лежит диктофон на случай, если в час бессонницы придет в голову что-то путное. Когда узнавал, что я уйду в отпуск, спрашивал, над чем я буду работать. Рассказывал, над чем в отпуске будет работать сам. В машине, в лифте, в служебном коридоре по пути из одной комнаты в другую всегда говорил о работе, об интересных книгах, которые он читает, о творческих собеседованиях с учеными, о дискуссиях, об интересных фактах, интересных идеях.

Работа — это его жизнь. И его жизнь — это работа. Конечно, бывали случаи, когда не хотелось, а приходилось работать. Про такую работу Евгений Петрович с сожалением говорил: «Приходится отвлекаться...» Но по большей части работа была и остается для него удовольствием.

Он очень любит материал, факты, их вкус, запах и цвет. В его отношениях к фактам чувствуется не только ученый, но и литератор. Об интересных фактах он может писать, слушать и говорить бесконечно долго. Увлекается. Рассказывает, как, откуда и когда раздобывал их. Иногда получались самоценные рассказы, наподобие монологов И.Л. Андроникова. Однако идеи, концепции, красоту научных построений Евгений Петрович всегда любил не меньше, чем факты. Потому что знал цену плодотворной идее, глубокой мысли, даже просто логически построенному тексту. Но не признавал абстрактных умствований. Ценил концепции, выросшие из реальной действительности, и тексты, обильно оснащенные фактами. Здесь мы с ним, как говорится, не очень «совпадали». Прочитав одну из моих давних работ, вошедших в книгу «Зарубежный Вос-

ток и современность», сказал саркастически: «Слишком густая эссенция». Понимать это следовало так, что теория, может, и хороша, но текст не оснащен фактами. Был прав. Но исправлять я ничего не стал. Так и напечатали.

Нередко можно было наблюдать, как загорались глаза у Евгения Петровича, когда на каком-нибудь научном заседании ему доводилось услышать что-то незаурядное, яркое, неординарное. Он никогда не забывал в таких случаях высказать восхищение автору идеи и поделиться своими впечатлениями с окружающими...

... Е.П. Чельшеву принадлежат интересные идеи и обобщения в области русистики. Например, о «двух правдах» в битве белых и красных в гражданской войне, о двух ветвях — эмигрантской и советской, на едином стволе российской культуры, о необходимости объективной оценки истории и культуры советского периода, о том, что «советскость» рождала не только «совковость», тоталитарность и серость конвейерных винтиков, но и патриотизм, романтику созидания, энергию солидаризма и еще, как говорил В.Б. Шкловский, «энергию заблуждения»; рождало не только дрянцо советского мещанства и комчванства, стукачей и наушников, но и крупных личностей в искусстве, литературе, науке, индустрии, военном деле, в политике.

Евгений Петрович не забыл слово «диалектика», когда бурно и с неоправданными издержками в период перестройки и в последующие годы обсуждались соотношение общечеловеческого и национального, национального и интернационального, общегосударственного и местного, российского и русского, русского и татарского, корякского и еврейского, глобального и регионально-

го, своего и чужого, «я» и «ты», «мы» и «они». Он защищал не господствующую, но государственнообразующую роль русского этноса, роль русского языка, как языка государственного, языка межнационального общения в России межгосударственного — в мире.

Он преданный защитник традиций, животворящих традиций, культурного и природного наследия, классики фольклора русского и всех народов. И, насколько можно судить по его исследованиям, литературном эссе и публицистике, не любитель авангарда и в особенности всяческой попсы, масскульта. Спрашивает: «Тебе нравится авангард?» Отвечаю: «Да, если это «Квадрат» Малевича». Молчит. Ничего не говорит.

... Евгений Петрович всегда осознавал и продолжает сознавать общественную ориентированность своих исследований. Вот как он объяснял причины, побудившие большой коллектив ученых включиться в работу над «Историей всемирной литературы», объединиться вокруг концепции, выдвинутой академиком Н.И. Конрадом: «Идея создания первого в нашем литературоведении обобщающего труда, охватывающего движение мировой литературы с древнейших времен до наших дней, отвечала научным и общественным запросам времени, была созвучна атмосфере «оттепели», наступившей в нашей стране после XX съезда КПСС».

... Есть еще одна черта творческого облика нашего юбиляра, которую нельзя не отметить особо. Мало сказать, что научное творчество для него связано с жизнью своей тематикой и проблематикой; наука, и гуманитарная тоже, для него — инструмент вмешательства в жизнь, направленного ее преобразования. Поэтому наука — не только исследования и исследовательский процесс, но

и люди науки, институты науки, научная деятельность, общественная деятельность, идущая во благо науке. А кроме всего прочего, Евгений Петрович, если можно так выразиться, — человек Академии. Он не просто состоит в ней, он работает для нее, всегда в ее интересах, искренне переживая, особенно в последние годы, трудности, с обременительным постоянством преследующие академическое сообщество.

Как научный деятель Евгений Петрович сделал очень много. Это, конечно, идет от его глубокого понимания общественного предназначения и роли науки. Но этого мало, чтобы стать научным деятелем. Нужно быть хорошим организатором. Но и этого недостаточно. Нужно уметь выявлять стратегически важные цели, ставить и реализовывать значимые научные задачи. А главное — это способность объединять людей, быть доброжелательным к окружающим. У Евгения Петровича все это есть. И еще он любит обмен мнениями, беседу, дискуссию, спор. Внутренне диалогичен. Поэтому, может быть, ему так удавалась организация научных дискуссий, оживляемых бурными обсуждениями, по итогам которых рождались глубокие коллективные труды.

Очень важно, что и в научной деятельности, и в исследовательской работе академика Чельшева чудодейственным образом соединяется научная и гражданская стойкость позиции и, вместе с тем, широта и пластичность по отношению к другим позициям, другим взглядам. Показательно его отношение к социалистическим идеям, сыгравшим свою роль в индийском культурном процессе. «Нельзя, — писал он, — отказываться от изучения проблематики, которая в недавнем прошлом считалась у нас престижной и прио-

ПРИЗВАНИЕ ОБЪЕДИНЯТЬ ЛЮДЕЙ

ритетной, например, от социалистических идей в литературе. Они были и остаются единой основой творчества многих известных индийских писателей, в том числе и не разделяющих коммунистических взглядов... Воздействие идей Октябрьской революции на индийскую литературу, рожденную национально-освободительным движением, вряд ли можно оспорить, потому что все это реально существовало, порой задавая тон в индийском литературном процессе». При этом автор этих строк всегда отчетливо сознавал, что время, новые факты, новые осмысления могут привести ученого на иные, чем прежде, позиции. Но ему было непонятно и неприятно, когда это делалось с легкостью необыкновенной. «Некоторые наши обществоведы из самых горячих и последовательных сторонников социалистических идей, быстро перестроившись, превратились в самых их яростных критиков и опровергателей, как бы забыв о том, что они утверждали и активно отстаивали совсем недавно».

Говорят, что хороший человек — это не профессия. Возможно. Но как обогащают деятельность и творчество ученого, организатора науки его высокие духовные качества, насколько эта деятельность становится более эффективной и плодотворной. Мне кажется, что самое важное во внутреннем облике Евгения Петровича, если взглянуть на это с точки зрения дела, которому он служит, — это порядочность. Приведу такой эпизод из его жизни, о котором он упоминает в одной из своих мемуарных заметок. «Многие годы работавший вместе со мной в Институте востоковедения АН СССР Леонид Евсеевич Черкасский в 1992 году эмигрировал в Израиль... у нас еще продолжало существовать недоброжелательное отношение к такого рода «свободному переме-

щению» советских граждан. В 2001 году в Иерусалиме вышла книга воспоминаний Черкасского под названием «Я рядом с корнем души успокою. Монологи востоковеда». Леня мне прислал ее с такой трогательной дарственной надписью: «Очень дорогому в жизни моей человеку. Всегда помня и любя. Жене Чельшеву, Леня, февраль, 2002 г. Раанана». Упомянув обо мне и нашей совместной работе, Черкасский пишет: «По профессии он индолог, а по складу характера чуткий доброжелательный человек. Он никому не причинил зла. А добрых дел совершал немало. Узнав о чьей-то подлости, он искренне изумлялся и негодовал, антисемитские выходки уязвляли его до глубины души. Я это хорошо знаю. Близкими его друзьями были евреи. Перед отъездом в Израиль я приехал к нему домой прощаться. Его жена и он тронули меня неподдельной грустью, сердечными напутствиями». Академик-секретарь признался:

— Знаешь, Леня. А ведь прав был Миша Занд, а не мы!

— Да, Женя, прав был Миша (в его оценках духовного климата в СССР — Е. П.).

Я встретил профессора Занда до его выхода на пенсию в Иерусалимском европейском Университете, и он тоже, вспоминая былое, говорил о Евгении Петровиче по-доброму, с хорошей улыбкой. В далекие 70-ые, когда уезжавшего в Израиль М. Занда клеймили за предательство, заведующий отделом вел себя сдержанно и достойно».

Хороший человек — не специальность. Но большое достоинство для профессионала. А талант? Это нужно для профессии? Можно встретить такое определение — «по-русски широко талантлив». Не будем спорить, можно ли быть широко талантливым

только по-русски. Бесспорно, что Евгений Петрович широко талантлив именно по-русски. У него чудовищная память. Например, он держит в голове если не всю, то значительную часть русской поэзии. Он помнит и цитирует на языке оригинала индийских, немецких, английских поэтов. Сам писал стихи и публиковался в фронтовых газетах. У него прекрасный голос, вообще — музыкальные способности. Он играет на аккордеоне, банджо, балалайке, гитаре, фортепиано, на ударных. Знает и поет частушки и русские народные песни, арии из опер, романсы. Вертинского поет так, как сейчас уже никто не поет. Поет на языке оригинала индийские песни. Прекрасный оратор. Артистичен. Любит публику. Любит выступать. Говорит: «Сегодня я был в ударе! Хорошо выступил». Или: «Нет, плохо выступил». Спортсмен, занимался разными видами спорта, в том числе и боксом. Гордится тем, что умеет держать удар. Это ему приходилось в жизни и науке не раз и не два. Человек он неконфликтный. Но при случае... «Я, — говорит, — ему так врезал». Однако никогда не переходит на личности. Не любит обижать людей. Поучать — поучает, но не обидно. Прекрасный педагог. Всегда любил преподавать, передавать свои знания, свой научный и жизненный опыт. Поэтому есть школа Е. П. Чельшева.

Теперь я приведу два перечня — перечень его должностей и званий и перечень наград, которых он был удостоен.

Московский школьник, студент-химик, курсант летной школы, сержант, стрелок-радист, старший лейтенант, слушатель Военного института иностранных языков, адъютант, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой названного института, подполковник, заведующий сектором филологии Отдела Индии

Института востоковедения АН СССР, заведующий Отделом литератур народов Азии, заведующий кафедрой индийских языков Института международных отношений, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей СССР, член-корреспондент, действительный член РАН, председатель Информационно-библиотечного совета РАН, член Президиума ВАК, заместитель председателя Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, член Азиатского общества, вице-президент Международной ассоциации Свами Вивекананды, член президиума Индийского философского общества, почетный член Литературной академии Индии, член государственной Пушкинской комиссии, заместитель председателя Совета по русскому языку при Правительстве РФ, советник Президиума РАН, сопредседатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, президент Общества российско-индийских культурных связей.

Награды. Советские ордена и медали, полученные на фронте и во время дальнейшей службы в армии, в том числе орден Отечественной войны, два ордена Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, медаль Пушкина, орден Петра Великого I степени, орден Святого Благоверного князя Даниила Московского II степени, орден св. Анны II степени, военный орден святителя Николая Чудотворца III степени, орден «Великая Победа», таджикский орден Славы, один из высших индийских орденов «Падма Бхушан» («Тот, кто выращивает лотос»), золотая медаль Советского комитета защиты мира, серебряная медаль Всемирного комитета защиты мира, золотая медаль имени Е.Р. Дашковой, Международная премия

Дж. Неру, Международная премия Свами Вивекананды, Демидовская премия.

По-моему, эти два перечня комментариев не требуют. За ними — труды и дни Евгения Петровича Чельшева.

Евгений Петрович часто повторяет, что звездный час его жизни — участие в Параде Победы 24 июня 1945 года на Красной Площади. Всегда за всякой жизнью, тем более за такой жизнью, что-то стоит; что-то, что придает ей смысл. Смысл жизни формируется самой жизнью. Член-корреспондент РАН Ю. Л. Воротников хорошо написал об этом в рецензии на трехтомник «Избранных трудов» академика. «Развороченный послереволюционный быт, расколотое сознание, разрыв между идеалами и повседневными

заботами понятны мальчишке, выросшему в родовом купеческом особняке, от которого семье осталась одна комната, впитавшему православную этику старших, понятия замоскворецкого двора и соседнего рынка, общавшемуся и с родственниками белогвардейцами, и с соседями и родственниками, отдавшими себя советскому строительству и претерпевшими от советского государства. Впору было растеряться, а то и сломаться в хитросплетениях советской Москвы 20–30-х годов. Но события Великой Отечественной войны расставили все по своим местам, помогли юному Чельшеву осознать, что в основе повседневной жизни лежит служение Отечеству. Так это и осталось с Евгением Петровичем на всю жизнь».

Так и остается.

Генеалогическое древо семьи академика Евгения Петровича Чельшева уходит своими корнями в крестьянскую толщу двух губерний европейской части России — Ярославской и Владимирской. Эта живительная и благодатная народная среда издавна, начиная еще с петровских времен, рождала талантливых военачальников и полководцев, удивляла мир гениальными учеными и естествоиспытателями, дарила России прославивших в веках свое Отечество государственных и общественных деятелей, производила на свет энергичных и предприимчивых деловых людей, купцов и заводчиков, честным и бескорыстным трудом которых прирастало и крепло российское государство.

Предки академика Чельшева с полным основанием вписываются в эту славную когорту целеустремленных, трудолюбивых и неординарных людей, только лишь благодаря собственной смекалке, природному уму, усердию и настойчивости пробивших себе дорогу в жизни и достигших успеха и общественного признания.

Оба деда Евгения Петровича — и по отцовской, и по материнской линии, родились в многолетних крестьянских семьях в российской глубинке, оба без всякой протекции и поддержки перебрались в Москву, преуспели в бизнесе и коммерции и снискали высокое уважение москвичей.

ЧЕРКУТИНСКАЯ ВОЛОСТЬ.
Карта второй половины XIX в.

ФРАГМЕНТ ЗАГЛАВНОЙ
СТРАНИЦЫ «ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ОПИСАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ В МОСКВѢ».
Издание Германа Гоппе 1882 г.

Дед Евгения Петровича по отцовской линии — Семен Глебович Чельшев (1821–1905 гг.), согласно материалам, которые удалось разыскать в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, родился в деревне Елисево Черкутинской волости Владимирского уезда. Был трижды женат. Первый брак не принес Семену Глебовичу потомства — супруга скончалась через десять лет после свадьбы, так и не подарив мужу наследника или наследницу. Вторым браком, заключенным в 1851 году, скорее всего, уже после того, как Семен Глебович переехал в Москву, принес долгожданного продолжателя рода — Василия, который впоследствии будет вести все дела своего отца, так за всю жизнь и не овладевшего грамотой. Этот союз, впрочем, также окончился трагически — в 1869 году супруга Семена Гле-

бовича умерла от чахотки. В 1870 году Семен Глебович вступает в третий брак с девицей Прасковьей Карповной Смородиновой (1850–1918 гг.), предположительно, сестрой проживавшего в Москве купца Петра Карповича Смородинова. Этот брак положил начало рода Евгения Петровича Чельшева. Одним из шестерых детей у супругов родился его отец — Петр Семенович Чельшев (1875–1923 гг.).

Перебравшись в Москву, Семен Глебович активно включился в хозяйственную и деловую жизнь города. Основным его занятием были подряды на строительство жилых домов и иных сооружений, включающие поставку леса и иных необходимых стройматериалов. Дела, судя по всему, пошли в гору, что позволило ему уже в 1865 году зарегистрироваться в качестве «временно Московской второй гильдии купца». Иными словами, он получил разрешение, по существовавшему в те годы уложению, заниматься торговой деятельностью, продолжая числиться в крестьянском сословии и не имея возможности пользоваться всеми привилегиями, которые сулило купеческое звание. В этом качестве, как свидетельствуют архивные материалы, он пребывал вплоть до 1877 года. Бизнес развивался успешно, и с 1882 по 1885 гг. он уже стал числиться купцом первой гильдии. Для того чтобы попасть в эту купеческую элиту, во второй трети 19-го века нужно было обладать немалым капиталом — свыше 50 000 рублей.

Как знать, как развивалась бы дальше деловая карьера предприимчивого купца, если бы не одна трагическая случайность. В начале 80-х годов 19-го века С.Г. Чельшев заключил контракт с Департаментом торговли и мануфактуры города Москвы

и в качестве подрядчика начал проводить работы в концертном зале Всероссийской художественно-промышленной выставки. Эта грандиозная экспозиция, призванная продемонстрировать достижения российского государства практически во всех сферах жизнедеятельности, начиная от садоводства и огородничества и заканчивая военным и морским делом, стала событием огромной важности в жизни Москвы и страны в целом. Все многообразие и богатство русского таланта и мастерства разместилось в восьми больших, раскрашенных яркими красками и золотом, павильонах, которые кругообразно соединялись между собой. Особый интерес представлял художественный раздел. В нем были

ЦАРСКИЙ ПАВИЛЬОН, 1882 г.

ЦАРСКИЙ ПАВИЛЬОН. Наше время

представлены работы прославленных российских живописцев: П. Брюллова, В. Верещагина, И. Айвазовского, А. Саврасова, А. Куинджи, В. Поленова, И. Шишкина и многих других.

Сначала выставку планировали провести в 1881 году, но из-за убийства императора Александра II мероприятие было отложено. Ее открытие состоялось в 1882 году и было приурочено к торжествам коронации императора Александра III. Проект этой эпохальной экспозиции был разработан известными русскими архитекторами А. С. Каминским и А. Г. Вебером.

Так называемый «Царский павильон, предназначенный для отдохновения высочайших особ» и закрытый для других посетителей,

**ХРАМ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В ЗАЯИЦКОМ,
1882 г.**

сохранился на Ленинградском проспекте и по сей день. Его концертный зал, который помогал возводить Семен Глебович, вмещал более 2000 человек. Но что-то не заладилось, возможно, не была соблюдена техника безопасности, что закончилось печально — один из рабочих сорвался со строительных лесов и разбился насмерть.

Решением суда от 13 ноября 1882 года Семен Глебович был признан виновным и присужден к строгому выговору и церковному покаянию. Виновными были признаны и архитекторы.

Деловая репутация Семена Глебовича, основное, чем всегда гордились и славились российские купцы, серьезно пострадала. Кроме того, его, должно быть, немало тяготил неопределенный общественный статус — по масштабам коммерческой деятельности он вполне мог претендовать на купеческое звание, но фактически продолжал числиться крестьянином. И тогда, решив избавиться от досадной приставки «временный», он решает вместе с сыном Василием перебраться в подмосковные Бронницы, где в 1888 году вступает во вторую гильдию Бронницкого купечества. В этом звании отец и сын состояли пять с половиной лет, вплоть до 1893 года.

Впрочем, связей с Москвой Семен Глебович никогда не порывал, продолжая свято исполнять обязанности старосты церкви Николая Чудотворца, именуемой Заяицкой в Замоскворечье. Существует немало версий, почему эта церковь, основанная в середине 18-го века, обрела столь необычный эпитет — «заяицкой». Некоторые историки полагают, что так она стала называться в честь казаков, селившихся за рекой Яик на Урале, будто бы прибывших в Москву в смутные времена начала 17-го века на помощь в борьбе с польской

**ГРАМОТА О ВОЗВЕДЕНИИ С. Г. ЧЕЛЫШЕВА
В СОСЛОВІЕ ПОТОМСТВЕННЫХ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН,
1894 г.**

интервенцией. Более вероятной, тем не менее, выглядит более прозаическая версия — в этих местах в 16–18-х столетиях селились так называемые «заяицкие татары», как тогда называли представителей всех тюркских народов, которые вели торговлю бухарскими товарами. Как бы там ни было, но сохранились свидетельства, что Семен Глебович Чельшев щедро жертвовал деньги на благоустройство этого храма. Так, например, из брошюры «Историко-археологиче-

ПЕТР СЕМЕНОВИЧ ЧЕЛЫШЕВ (слева),
начало XX века

**КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА
ЧЕЛЫШЕВА**, начало XX века

ское описание церкви святого Николая Чудотворца», составленной И. Токмаковым и изданной в 1892 году, мы узнаем, что 30 октября 1888 года в храме «происходило освящение придельных престолов... вновь великолепно отделанных на средства прихожан и церковного старосты купца С. Г. Чельшева». И затем читаем, что в том же храме 8 июля 1890 года состоялось освящение главного храма во имя Преображения Господня, «роскошно отделанного на средства достопочтенного ктитора С. Г. Чельшева».

Благие деяния Семена Глебовича не прошли незамеченными. 12 октября 1890 года он был награжден орденом Станислава III степени «за отличное усердие и особые труды». Это дало основание обратиться с прошением о возведении его семейства в потомственное почетное гражданство города Москвы. Соответствующий указ был подписан Императором Александром III 20 октября 1894 года.

После смерти Семена Глебовича продолжательницей его дела становится его вдова, Прасковья Карповна, которой активно помогали ее сыновья — Николай, Алексей, Михаил и Петр. Сохранив и приумножив капитал, нажитый отцом, они продолжали вплоть до революции брать строительные подряды, а кроме того, стали активно скупать недвижимость. Помимо двух фамильных домов в Садовниках, 33-го и 35-го, в их собственность перешли дом 20/23 в Устьинском проезде, дом на Пятницкой, в Большом Татарском переулке, дом на Малой Татарской улице и особняк, до сих пор сохранившийся на Лужнецкой набережной. Отец Евгения Петровича — Петр Семенович Чельшев, был собственником «электро-театра» «Балкан» в Грохольском переулке, оставался церковным старостой Николао-Заяицкой церкви, унаследовав это почетное звание от своего отца.

Революция 1917 года сломала десятилетиями складывавшийся жизненный уклад рода Чельшевых: все сословия были упразднены, и все, к чему десятилетиями стремился основатель купеческой династии Семен Глебович, оказалось ненужным и даже вредным, имущество было объявлено незаконно нажитым и конфискованным. Жизнь какое-то время продолжала развиваться как будто по инерции, но перемены были необратимыми, и повернуть вспять историю было нельзя. «В церкви Николая Чудотворца, — вспоминает академик Чельшев рассказы своей матери, — он венчался с ней в 1919 году. И в этой же церкви его через четыре года отпевали... Он никак не мог понять и принять все то, что произошло в 1917 году, болезненно переживал крушение старого уклада жизни, конфискацию имущества, уплотнение квартиры, что отразилось на его здоровье и явилось причиной ранней смерти».

Петр Семенович умер в сорок семь лет, когда маленькому Жене было всего полтора года. В тяжелейшие послереволюционные годы его мать — Клавдия Михайловна Чельшева, урожденная Соколова (1892–1982 гг.), осталась с ним и еще четырьмя детьми от первого брака ее мужа — Константином, Александром, Клавдией и Надеждой — без средств к существованию и без работы. Невозможно представить, каких невероятных трудов, какого мужества и стойкости стоило этой волевой и мудрой женщине, чтобы справиться с колоссальным жизненным испытанием, выпавшим на ее долю.

Константин, старший сводный брат Евгения Петровича, предположительно, родился в 1897 году, то есть был всего на пять лет младше его матери. Документы Военно-исторического архива свидетельствуют, что в 1916 году он окончил шесть классов перво-

**КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ, АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,
АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЫШЕВЫ, 1934 г.**

го Московского кадетского корпуса, был произведен в прапорщики и направлен в действующую армию на службу. Революция 1917 года, судя по всему, не повлияла на его мировоззрение, и он остался верен присяге. Архивные документы свидетельствуют, что он оказался, как говорится, «по другую сторону баррикад» и, с большой степенью вероятности, служил в армии Колчака. В 1920 году тяжело раненным вернулся в Москву, долго лечился, но даже оставаясь наполовину парализованным, сумел закончить архитектурный институт, поступил на службу и, продолжая семейную традицию, стал заниматься реконструкцией московских зданий. Ушел он из жизни в начале 50-х годов, унеся в могилу тайну своей нелегкой жизни.

ЧЕЛЫШЕВ АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,
1949 г.

АЛЕКСАНДР И ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВЫ,
1937 г.

Его сын Андрей Константинович (1922–1997 гг.) не разделял идеологических убеждений своего отца и, скорее всего, придерживался противоположных политических взглядов. С первых же дней Великой Отечественной войны, еще будучи курсантом Московского военно-инженерного училища, он пошел добровольцем на фронт и участвовал в обороне Москвы. При подготовке к взрыву моста в районе Калуги был первый раз легко ранен в ногу. Затем последовала еще череда ранений — сначала в окрестностях Ростова в ходе сле-

дования к месту службы, потом в 1942 году в боях за станицу Келермеская в республике Адыгея, где Андрей Константинович служил командиром саперного взвода 32-го кавалерийского полка.

Особо отличился Андрей Константинович в боях за село Ачикулак в Ставропольском крае, где он со своим взводом сдерживал прорыв фашистских танков. Он лично подбил противотанковой гранатой немецкий танк, но в ходе завязавшейся перестрелки был тяжело ранен в голову. За проявленный героизм был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

Второй сводный брат Евгения Петровича — Александр, был на семь лет старше его — он родился в 1914 году. Разница в возрасте чувствовалась не столь остро, ребята росли вместе и были очень дружны. Окончив фабрично-заводское училище, он семнадцатилетним юношей уехал на одну из главных строек первой пятилетки — Комсомольск-на-Амуре. Затем последовал призыв в армию и направление на флот. Войну Александр встретил моряком крейсера «Киров» — флагманского корабля Балтийского флота. Крейсер, как известно, был потоплен, но Александр выжил, хотя и получил тяжелое ранение. Скончался в 1985 году.

Сестры Надежда и Клавдия были погодками Александра — первая родилась в 1915, вторая — годом позже. Повзрослев, первая выйдет замуж за Федора Ельевича Вахромеева, сына купца и почетного гражданина Ярославля Елия Федоровича Вахромеева, основателя и владельца «Типографии Е. Ф. Вахромеева». В 1937 году он был осужден по печально известной 58-й статье и расстрелян на Бутовском полигоне. В том же 37-м году его жена Феофания Павловна была отправлена в пятилетнюю ссылку в Чкаловскую область

(сейчас — Оренбургская) как член семьи врага народа. Клавдия же свяжет свою жизнь с родным братом матери Евгения Петровича — Владимиром Михайловичем Соколовым. Вот уж воистину, каким порой удивительным и непостижимым образом переплетаются человеческие судьбы!

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ СОКОЛОВ И ПЕТР СЕМЕНОВИЧ ЧЕЛЫШЕВ, 1918 г.

ФЕДОР ЕЛЬЕВИЧ ВАХРОМЕЕВ, 1940 г.

гостил на даче семьи Вахромеевых под Ярославлем.

«Федор Ельевич, — вспоминает Евгений Петрович, — развил во мне чувство любознательности, привил любовь и интерес к науке, занимался со мной немецким языком, математикой, физикой, поощрял мое увлечение поэзией и историей».

Когда началась война, Федор Ельевич был призван на фронт и назначен командиром телефонно-кабельной роты в составе 110-й стрелковой дивизии. Его часть вела ожесточенный бой с пре-

Федор Ельевич Вахромеев (1910–1942 гг.) оставил глубокий след в жизни и памяти Евгения Петровича. Он работал инженером-электриком в тресте «Проектмонтаж» на Крымском валу, и в то же время прекрасно знал литературу, владел несколькими иностранными языками, что было для того времени большой редкостью. Подростком Евгений проводил много времени, общаясь с этим интересным и эрудированным человеком, однажды летом 1935 года

восходящими силами противника под Москвой, в районе Вереи, и там он пал смертью храбрых. Ему тогда было всего 33 года. После боя местные жители отнесли тело командира на высокий холм, где и захоронили, отметив место. Уже после войны, вернувшись из ссылки, его мать Феофания Павловна вместе с сестрой Верой Ельевной и женой Надеждой Петровной на свои собственные средства сумели построить на месте гибели близкого и дорогого им человека небольшой обелиск. Далее уже подключились ветеранские организации и поселковый совет, которые соорудили мемориал, его частью стала могила Федора Ельевича.

Когда в 1923 году Клавдия Михайловна осталась одна после смерти мужа, его сводный брат Александр и обе сестры требовали постоянной заботы и внимания. Сделать это было чудовищно трудно в обстановке беззакония, притеснения и издевательств новых властей, всячески стремившихся отравить существование «бывших», в разряде которых она неожиданно для себя оказалась. «Мама, — вспоминает Евгений Петрович, — никогда не опускала руки. Для того, чтобы прокормить семью, ей приходилось с утра до ночи работать. Но ничто не могло сломить ее воли, заставить пойти на какой-то компромисс. Жизненные невзгоды лишь закалили ее. Она решительно и открыто осуждала несправедливость, ложь, лицемерие, огульное очернение прошлого, с которыми ей постоянно приходилось сталкиваться».

Клавдия Михайловна была удивительным человеком: железная стойкость духа и не по-женски логически выстроенный ум, интеллигентность и врожденное чувство такта поразительным образом сочетались в ней с добротой и нежностью, душевной чуткостью,

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА С СЫНОМ ЖЕНЕЙ,
1925 г.

редким умением сочувствовать и сопереживать. Она была образованной, очень начитанной женщиной, неплохо знала немецкий и французский языки. До революции окончила гимназию, училась на медицинских курсах при Московском университете. После революции работала в Госиздате и других московских издательствах.

КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА С СЫНОМ ЖЕНЕЙ,
1928 г.

И еще, о чем просто невозможно не сказать. Она была рассказчиком, что называется, «от Бога». Этот ее талант был вполне сопоставим с ораторским искусством признанного мастера этого жанра Иракия Андроникова. Она любила рассказывать, что называется, «в лицах», вживаясь в образы, как делает актер на театральных подмостках. Персонажи ее повествований представляли будто живыми, выпукло и рельефно, а слушатель словно переносился в иную эпоху и сам становился участником происходящего. «Маль-

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ЧЕЛЫШЕВА,
1942 г.

чишкой, когда мы с бабушкой летом жили в маленьком садовом домике под Загорском (ныне Сергиев Посад), я часто просил ее рассказать, как это у нас называлось, «про старину». И под стук дождя по стеклам и завывания ветра за окном в ненастные вечера переносился в иную эпоху. Как жаль, что мне не приходило тогда в голову записывать все то, что она рассказывала...»

Клавдия Михайловна сыграла огромную роль в формировании личности Евгения Петровича, в становлении его мировоззре-

ния, она привила ему любовь к книгам, чтению, своим примером научила жизненной стойкости, целеустремленности, правдивости и честности. Но Господь даровал ему встречу на жизненном пути с еще одной женщиной, его супругой, урожденной Татаржицкой (Чельшевой) Еленой Владимировной (1921–2004 гг.), которая волею судеб продолжила и развила дело матери. На протяжении многих десятилетий она была его добрым «ангелом-хранителем», оберегая от непродуманных и рискованных шагов, деликатно и тактично подсказывая решение в трудных жизненных ситуациях, мудро и умело сглаживая острые углы, порой возникающие в отношениях между супругами.

Елена Владимировна родилась в Смоленске в 1921 году. Ее отец — Владимир Станиславович Татаржицкий (1895–1937 гг.), обрусевший поляк, работал простым электромонтером на одном из хлебозаводов города. К политике он не имел никакого отношения, ни в каких организациях не состоял, что, впрочем, не помешало НКВД Смоленской области арестовать его в 1937 году по

ВЛАДИМИР СТАНИСЛАВОВИЧ
ТАТАРЖИЦКИЙ, 1930 г.

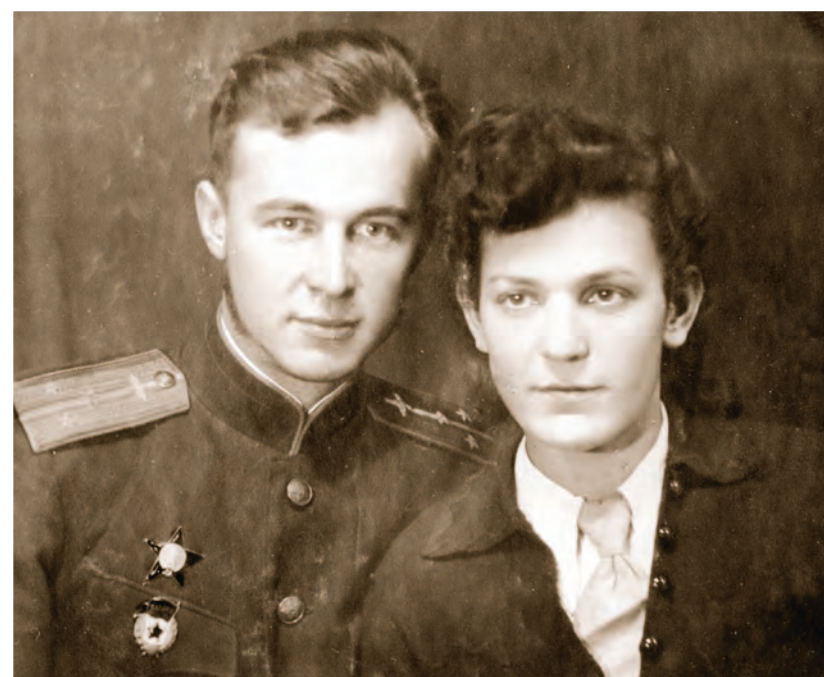
печально известной статье 58-10 и спустя три недели расстрелять без суда и следствия. После сталинской расправы над героем гражданской войны маршалом Тухачевским по всей стране тогда прокатилась чудовищная волна репрессий, жертвой которых стали десятки тысяч людей, просто носящих польскую фамилию.

Нелегко было жить в те годы с клеймом ЧСИР — член семьи изменника родины, а именно таковым стал считаться отец Елены Владимировны. В школе ее долго не хотели принимать в комсомол, и разрешить эту непростую ситуацию помог лишь счастливый случай. Училась она только на «отлично», обладая замечательным голосом и абсолютным музыкальным слухом, всегда была первой в конкурсах художественной самодеятельности, увлекалась фехтованием и даже получила в этом виде спорта квалификационный разряд.

Познакомились будущие супруги еще в военные годы, когда лейтенант Челышев приезжал в столицу в краткосрочные командировки по делам службы. В сентябре 1944 года, когда Евгений Петрович по распределению был направлен на учебу

**ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ — НАЧИНАЮЩИЙ
ФОТОГРАФ, 1938 г.**

**ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ И ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ЧЕЛЫШЕВЫ,
1944 г.**

в Военный институт иностранных языков Советской Армии, сыграли скромную свадьбу.

После войны Елена Владимировна поступила в институт легкой промышленности, успешно окончила его, некоторое время работала в конструкторском бюро. Потом в 1947 году родился первенец — Владимир, затем в 1953-ем — второй сын — Дмитрий. Совмещать работу с семьей стало трудно, и она выбрала свое жизненное призвание — семью, заботу о муже и детях.

**КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА, ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,
ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЫШЕВЫ
СО СТАРШИМ СЫНОМ ВЛАДИМИРОМ,
1948 г.**

**ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА ИЗЮМОВА (УРОЖДЕННАЯ СОКОЛОВА) С ВНУЧКОЙ ГАЛИНОЙ,
ЧЕЛЫШЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА С СЫНОВЬЯМИ ВЛАДИМИРОМ И ДМИТРИЕМ,
КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА ЧЕЛЫШЕВА, 1957 г.**

Вторая ветвь генеалогического древа рода Евгения Петровича Чельшева, представительницей которой была его мать, берет начало с ее отца — Михаила Арсеньевича Соколова, родившегося, предположительно, в 1860 году в многодетной крестьянской семье в одной из деревень под городом Рыбинском в Ярославской губернии. Здесь наблюдается интересная аналогия. Подобно «первопроходцу» из рода Чельшевых, Михаил Арсеньевич, влекомый неким неведомым зовом или тягой к новой интересной и более насыщенной жизни, из крестьянской глубинки отправляется в Москву, погружается, как это было принято называть, «в люди» и пускается в самостоятельное, трудное и опасное плавание по реке бизнеса и коммерции.

Начав карьеру «мальчиком» в москательной лавке, торговавшей бытовой химией, мылом и моющими средствами, смазочными продуктами, лакокрасочными товарами и иной продукцией для хозяйственных нужд, благодаря усердию, честности и сметливости, он постепенно стал подниматься по служебной лестнице: сначала был назначен старшим приказчиком, а потом и вовсе превратился в компаньона в коммерческом предприятии замоскворецкого купца второй гильдии и потомственного почетного гражданина Москвы Павла Федоровича Ютанова. Оно стало именоваться «Торговый дом П. Ф. Ютанова и М. Соколова».

П. Ф. Ютанов был весьма зажиточным купцом — в конце 19-го века ему принадлежали несколько домов в районе между Калужской и Серпуховской площадями, в том числе известный «Дом с мезонином» на Малой Серпуховской улице, вошедший в историю Москвы благодаря проживавшим там сыновьям — Владимиру и Николаю, широко известным в литературных кругах своего

времени. В этом доме на устраиваемые ими вечера собирались известные деятели культуры, писатели и поэты — Есенин, Эренбург, Серафимович, Замятин, выдающийся тенор Д. А. Смирнов, литературовед и москвовед Н. С. Ашукин и многие другие. Сам Павел Федорович жил рядом, в небольшом, уютном одноэтажном домике. Излишне говорить, что от этих строений ныне не осталось и следа.

Кроме того, в собственности купца находились два дома в Слободском и Голутвинском переулках, в Петербургской слободке и два дома на Житной улице — 26-ой и 28-й. Один из них и стал,

что называется, «родовым гнездом» семейства Михаила Арсеньевича Соколова. Здесь он поселился, женившись в, ориентировочно, 1888 году с благословения своего благодетеля Павла Федоровича на Анне Ивановне Кузовкиной, дочери потомственного купца, род которого прослеживается в архивных документах с середины 18-го века. Здесь же родились и его дети: два сына — Николай и Владимир, и четыре дочери — Любовь, Клавдия, Мария и Елизавета.

**АННА ИВАНОВНА СОКОЛОВА (КУЗОВКИНА)
И МИХАИЛ АРСЕНЬЕВИЧ СОКОЛОВ.**
Начало 1930-х гг.

**ЕВГЕНИЙ И АЛЕКСАНДР ЧЕЛЫШЕВЫ, КУЗОВКИНА АННА ИВАНОВНА,
ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СОКОЛОВ, 1940 г.**

С 1900 года, как следует из «Сборника сведений о действующих в России Торговых домах» за 1915 год, основанный П. Ф. Ютановым торговый дом стали возглавлять его сыновья — Николай и Владимир, само же товарищество с тех пор стало официально именоваться как «Торговый дом Н. и В. Ютановы и М. Соколов». Тогда же предприятие несколько изменило и профиль своей деятельности — в дополнение к москательным товарам распространило сферу своих интересов на оптовую поставку семян и лекарственных трав. Затем отошел от дел личный потомственный гражданин Москвы Михаил Арсеньевич, уступив

права в товариществе своему сыну — Владимиру Михайловичу Соколову (1895–1978 г.). Торговля даже в первые годы после революции, судя по всему, шла неплохо, но в 1919 году разразился громкий скандал, вошедший в российскую юридическую историю под названием «дела Кермана». На складах торгового дома обнаружился неучтенный товар, расследованием занялась продовольственная инспекция, сотрудники которой, очевидно, преследуя корыстные цели, не смогли договориться между собой, в итоге дело было передано в ЧК и только каким-то чудом компаньонам удалось избежать расхожего в те годы расстрела —

**СЕСТРЫ СОКОЛОВЫ — ЕЛИЗАВЕТА, КЛАВДИЯ, ЛЮБОВЬ, МАРИЯ,
1955 г.**

Владимир Ютанов был приговорен к лишению свободы на один год с принудительными общественными работами, а Владимир Соколов, принимая во внимание некие обстоятельства, которые были признаны смягчающими его вину, к общественному порицанию. На этом была поставлена точка в коммерческой деятельности семейства Ютановых и Соколовых. Братья Ютановы целиком и полностью посвятили себя своему любимому делу — литературному труду и издательской деятельности. По той же стезе пошел и Владимир Михайлович Соколов.

Он окончил полиграфический институт, работал с Максимом Горьким в издательстве «История фабрик и заводов», был близко знаком и часто общался с Маяковским, Фадеевым, Демьяном Бедным. Потом, уже на склоне лет, трудился заместителем директора Политиздата по полиграфической части.

Глубокий след в памяти подростка Евгения оставили его дяди по материнской линии: муж старшей сестры матери Любови Михайловны — Иван Михайлович Багрецов и супруг младшей Марии Михайловны — Александр Николаевич Беляновский.

«Иван Михайлович был очень яркой личностью, — вспоминает Евгений Петрович. — До революции он окончил Императорское московское техническое училище (ныне МГТУ им. Баумана), потом много лет трудился на предприятиях нашей энергетической промышленности. Высоко образованный, интеллигентный человек, он с детства увлекался коллекционированием книг и был обладателем прекрасной библиотеки. Когда я стал подрастать, давал мне почитать свои «сокровища», которые он бережно обертывал в бумагу. Так я познакомился с увлекательными приключенческими

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ БАГРЕЦОВ

романами Майн Рида и Фенимора Купера, захватывающей дух фантастикой Жюль Верна, потом стал читать нашу классику — Тургенева, Чехова, Толстого. А еще дядя Ваня страстно любил природу, фанатично увлекался рыбалкой. Городская жизнь его всегда тяготила. Его мечтой было купить небольшое поместье где-нибудь на берегу реки, удить рыбу, наслаждаться прелестью наших лесов и полей. Увы, этому не суждено было сбыться...»

Штабс-капитан царской армии Александр Беляновский вернулся в Москву с фронтов Первой мировой войны в октябре

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БЕЛЯНОВСКИЙ.
Начало XX в.

1917 года. Некоторое время был вынужден скрываться и прятаться, дабы не пасть жертвой облав на так называемых «золотопогонников». Временным приютом послужила квартира его друга, Владимира Михайловича Соколова. И надо же было так распорядиться судьбе, что именно здесь он познакомился с младшей дочерью семейства Соколовых, сделал ей предложение, и, получив согласие родителей своей избранницы, женился на ней и прожил в этом

браке долгую и счастливую жизнь. Он вступил в Красную Армию, участвовал в Великой Отечественной войне и вышел в отставку в звании полковника.

Михаилу Арсеньевичу, деду Евгения Петровича по материнской линии, после революции удалось избежать серьезных неприятностей, хотя по нему и его супруге Анне Ивановне все равно прокатилось «красное колесо». Сначала их «уплотнили», а потом и вовсе выселили из Москвы. Какое-то время они снимали комнату в подмосковных дачных поселках Лосиноостровская и Болшево, а в начале 30-х годов переехали в Ленинград.

Дед Евгения Петровича ушел из жизни в 1934 году, а его супруга умерла от голода в блокадном Ленинграде в начале сороковых годов.

С Михаилом Арсеньевичем у Евгения Петровича связано много ярких и незабываемых воспоминаний, ведь он фактически заменил ему отца, так рано ушедшего из жизни. «Мы ходили в лес за грибами и ягодами, — вспоминает Евгений Петрович, — собирали растения, которые дедушка сушил и делал из них лекарственные настойки, снабжая ими всю нашу большую семью. Прогулки по лесу обычно сопровождались его рассказами о жизни, об окружающем мире, о людях, о природе. Родившийся и выросший в деревне, он прекрасно знал русскую природу, любил и хорошо понимал ее».

«Он был глубоко религиозным человеком, — рассказывает Евгений Петрович. — В его вере в Бога не было ничего показного, она пронизывала все его существо, являясь для него главным жизненным ориентиром, определяла его нравственные позиции.

Именно в ней он находил поддержку и утешение в самый трудный для него послереволюционный период жизни».

Однажды, беседа с внуком на религиозные темы, он рассказал ему об иеромонахе Адриане, которого свято почитал и которому поклонялся весь род Соколовых. Отретушированная фотография благообразного вида монаха долгие годы стояла за стеклом в книжном шкафу в московской квартире Владимира Михайловича Соколова на Комсомольском проспекте. Да и мать Евгения Петровича, Клавдия Михайловна, часто рассказывала о том, как девочка-ми они с отцом ездили в монастырь под Рыбинском за благословением к святому старцу. Этот широко известный и почитаемый святой жизни человек родился приблизительно в тех же местах, что и Михаил Арсеньевич. Поэтому в семейном кругу бытовало предание, что он, вполне возможно, состоял в некоем дальнем родстве с Соколовыми. Так это или нет, сказать практически невозможно. Поэтому это предположение, скорее всего, можно отнести к ряду преданий, которые, наверное, передаются из поколения в поколение в каждой семье.

Что же касается святой жизни человека, то это не миф и не легенда — такой старец действительно жил и был широко известен в середине 19-го века как Адриан Югский, насельник Югской Доросеевой пустыни в Рыбинском уезде Ярославской области. Он пользовался высочайшим духовным авторитетом и к нему за советом и праведным наставлением стекались тысячи людей из разных уголков России. После его ухода из жизни его почитатели сделали извлечение из записок, которые он передавал просящим у него совета в трудных жизненных ситуациях, и напечатали их в двух томах в Санкт-

Петербурге в 1861 году под заглавием «Руководство к духовной жизни старца Адриана, иеромонаха Югской Доросеевой пустыни».

Из поколения в поколение в роде Чельшевых–Соколовых передается еще одна любопытная легенда, которая, как и в случае с иеромонахом Адрианом, с течением времени обросла многими замысловатыми подробностями. Речь идет о трагической гибели молодого человека по фамилии Верещагин, описанной Л.Н. Толстым в романе «Война и мир». Великий русский писатель, рассказывая о драматических событиях в Москве перед вступлением в город французских войск, как всегда строго следовал подлинной истории. Из архивных же документов времен тех лет мы узнаем, что военный губернатор Москвы, генерал от инфантерии, граф Раствопчин, спасаясь бегством из Москвы и желая отвлечь от себя внимание разгневанной толпы москвичей, действительно бросил ей на растерзание подвернувшегося под руку молодого

ИЕРОМОНАХ АДРИАН ЮГСКИЙ.
Портрет неизвестного художника

**«ГРАФЪ РОСТОПЧИНЪ И КУПЕЧЕСКІЙ СЫНЪ ВЕРЕЩАГИНЪ
НА ДВОРЪ ГУБЕРНАТОРСКАГО ДОМА ВЪ МОСКВѢ».**
Акварель А.Д. Кившенко 1893 г.

переводчика Михаила, сына московского купца второй гильдии Николая Гавриловича Верещагина, деда Анны Ивановны Кузовкиной по материнской линии. В то время молодой человек состоял под следствием по нелепому и надуманному обвинению: не преследуя никаких политических или иных целей, он просто ради праздного интереса перевел на русский язык некоторые речи императора

Наполеона из случайно оказавшейся у него немецкой газеты, а его товарищ, случайно наткнувшись на эти переводы, переписал и опубликовал их. В тот день, который оказался для него последним, Михаил был приведен к генералу-губернатору на очередной допрос по этому делу.

Разъяренная толпа растерзала несчастного молодого человека. Такая дикая внесудебная расправа вызвала неудовольствие самого императора Александра Первого. В своем письме к Растопчину он писал по поводу Верещагина, что «его казнь была не нужна, в особенности ее не следовало производить подобным образом». Правда потом он добавлял, что «повесить или расстрелять было бы лучше».

Эта драматическая история просто не могла не породить в семейном кругу множество легенд и преданий. Так, в частности, возникла передаваемая из поколения в поколение

история о том, что мучимый угрызениями совести, граф Растопчин якобы положил в Лондонский банк на имя родственников злодейски убитого им молодого человека крупную сумму денег. Мечта завладеть этим богатством кружила голову многим, и некоторые даже пытались разыскать это богатство. В действительности же, как свидетельствуют архивы, все выглядело гораздо более прозаично:

во время посещения Москвы в 1816 году император Александр Первый пригласил к себе Николая Гавриловича Верещагина, беседовал с ним, а на следующий день послал ему бриллиантовый перстень и приказал выдать ему 20 тысяч рублей.

Легенды и предания порой овладевают воображением и уносят далеко в сторону от реальных событий. Но настоящая жизнь оказывается порой не менее насыщенной, богатой неповторимыми ситуациями и эпизодами, неожиданными поворотами, чем вымышленные сюжеты. Жизненный путь академика Чельшева является тому самой наглядной иллюстрацией.

**ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЫШЕВ, СЫН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,
ВНУК АНДРЕЙ И НЕВЕСТКА ИРИНА ПАВЛОВНА.**

Усадьба Узкое, Москва, 2013 г.

ВОЙНА

В 1939 году Евгений Чельшев окончил среднюю школу и поступил в Московский институт химического машиностроения. В том же году был призван в армию, окончил школу младших авиаспециалистов и был зачислен стрелком-радистом самолета СБ, а затем Пе-2.

«Я храню фотографию, вспоминает Евгений Петрович, — запечатлевшую группу сержантов, кончивших в мае 1940 года летную школу стрелков-радистов, многие из которых были зачисле-

КУРСАНТЫ ЛЕТНОЙ ШКОЛЫ СРЕЛКОВ-РАДИСТОВ, 1940 г.

ны в 140-й скоростной бомбардировочный полк. Вместе с ними в составе этого полка участвовал в воздушном параде над Москвой 7 ноября 1940 года. Из двадцати восьми изображенных на ней юношей, вчерашних студентов московских вузов, каким-то чудом уцелело, по-моему, только двое».

С весны 1941 года 140-й полк, базировавшийся на аэродроме в Сеще, начал перевооружаться, получил пикирующие бомбардировщики Пе-2. Новая техника казалась молодым курсантам чудом военного инженерного искусства. На самом же деле, что очень скоро подтвердилось в ходе боевых действий, она безнадежно морально устарела и не могла сравниться по всем техническим параметрам с немецкой боевой авиацией.

Новых самолетов оказалось меньше численного состава полка, и молодой боец Чельшев остался, как тогда шутили его сослуживцы, «безлошадником». Это казалось ему обидным, но на самом же деле благодаря такому стечению обстоятельств он остался в живых. Практически вся эскадрилья была уничтожена в первые же дни войны, многие сгорели на земле, так и не успев подняться в воздух.

«Моя же мама была уверена в том, — вспоминает те трагические дни Евгений Петрович, — что Николай Чудотворец, которого она больше всех почитала из русских святых, услышал ее молитвы и сохранил единственного сына».

Сопровождение летного полка — техники, мотористы, оружейники и «безлошадники», отправились на третий день войны догонять летчиков по железной дороге. Их судьба оказалась незавидной. По ним, так же, как и по их однополчанам, чудовищным катком, все давящим и уничтожающим на своем пути, прокатился вал фашистского нашествия. Орша — пункт дислокации полка в Белоруссии — неоднократно подвергался массированным бомбардировкам противника, пытавшегося любой ценой уничтожить этот важный транспортный узел. В этой кровавой мясорубке выжить удалось далеко не всем.

И все же, несмотря на полное превосходство немцев в небе, летчики 140-го полка, среди которых были и близкий друг Евгения Чельшева — Георгий Лазарев, сумели совершить несколько дерзких боевых вылетов и нанести противнику существенный урон.

Один из таких воздушных рейдов оказался для Жоры Лазарева последним. «Комиссар эскадрильи старший политрук Алимов, — вспоминает Евгений Петрович, — повел группу «пешек» бомбить немецкие переправы на Березине, которые были надежно прикрыты немецкими истребителями. Ценою больших потерь нашим бомбардировщикам удалось прорваться к цели и сбросить бомбы, но самолет Алимова был подбит. Он решил посадить горящий самолет на своей территории и приказал Лазареву прыгать с парашютом. Жора прыгнул, но парашют не раскрылся, не хватило высоты. Похоронили его в лесу, на берегу реки Березины, подле сгоревшего самолета...»

И все же, как говорилось в военной сводке, в результате умелых действий 140-го полка было «задержано наступление немецких

ГЕОРГИЙ ЛАЗАРЕВ И ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ,
1941 г.

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ, 1943 г.

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ С ОДНОПОЛЧАНИНОМ, 1943 г.

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ В КАБИНЕ САМОЛЕТА У2.
Операция «Багратион»

механизированных частей в районе населенного пункта Картуз-Береза западнее Минска».

Но наступление немцев было задержано ненадолго. Через два дня, 28 июня Минск был занят противником и полку пришлось выходить из-под удара и срочно перебазироваться на аэродром Боровское под Смоленском. Сопровождение отправилось его догонять уже на грузовиках.

«Потом началось длившееся два месяца Смоленское сражение, — вспоминает Евгений Петрович, — в результате которого от нашего 140-го полка остался всего один самолет, успешно выполнявший задания Западного фронта в качестве разведчика. Нам пришлось снова принять на вооружение старенькие «СБ», которые использовались как ночные бомбардировщики, и мне довелось на одном из них «понюхать пороха» уже не на земле, а в небе».

Полк был расформирован, и летом и осенью 1942 года сержант Челышев воевал уже в составе 202-й бомбардировочной авиационной дивизии, дислоцировавшейся вокруг Можайска и поддерживающей наземные войска на подступах к Ржеву. Все внимание тогда было приковано к Сталинграду, где разворачивалось одно из решающих сражений Великой Отечественной войны и, наверное, каждый, кто тогда сражался на самых разных рубежах, мечтал оказаться там.

Мечте Евгения Челышева суждено было сбыться. В конце января 1943 года он вылетел на Сталинградский фронт на самолете «Ли-2» в составе группы командира дивизии генерала Владимира Алексеевича Ушакова, получившего назначение командира Первого гвардейского бомбардировочного корпуса.

«Наш самолет, — вспоминает Евгений Петрович, — приземлился на аэродроме «Совхоз Сталинградский», расположенном километрах в сорока севернее города на Волге. Пикирующие бомбардировщики «Пе-2», которыми был вооружен наш корпус, помогали добивать окруженных в Сталинграде фашистов».

Основная войсковая операция в городе к тому времени уже была завершена, отборные подразделения гитлеровских войск окружены и полностью разгромлены. Запомнились разрушенные, практически стертые с лица земли дома, груды кирпичей, исковерканного металла, подбитые танки, подорванные орудия, автомашины. На высоком берегу Волги, куда лейтенант Челышев выехал на

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ И СУРЕН КАФАФЬЯН НА ТРОФЕЙНОМ МОТОЦИКЛЕ.
Сталинград, Аэродром Гурмак. 1943 г.

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ, 1943 г.

грузовой машине «ЗИС-5», выполняя вместе с сослуживцами боевое задание, сейчас стояла мертвая тишина и до горизонта расстилась белая, сверкающая на солнце заснеженная равнина. И только лишь длинная вереница пленных немцев, бредущих на другой берег реки, нарушала это царство покоя и безмолвия.

Навсегда остались в памяти и фронтовые друзья, с которыми суждено было встретиться за недолгое пребывание в этом героическом городе. Один из них — Сурен Кафафьян, фотокорреспондент газеты «Сталинский сокол», мастерски запечатлевший на своих фото боевую деятельность авиадивизии Северо-Западного фронта, действия советских штурмовиков, уничтожавших железнодорожные эшелоны фашистов, результаты ночных бомбометаний наших бомбардировщиков. Завязавшейся дружбе, к сожалению, не суждено было стать долгой — 20 сентября 1943 года самолет, с которого проводил фотосъемки Сурен Мигранович, был сбит, экипаж погиб и был похоронен на берегу Днепра.

Во второй половине 1944 года полки Первого гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса под командованием генерала Ушакова сосредоточились на полевых аэродромах между Смоленском и Рудней. В составе Первой воздушной армии, командующим которой был назначен генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин, и танковой армии 3-го Белорусского фронта под командованием И. Д. Черняховского они приняли участие в знаменитой операции «Багратион», в результате которой немецкие войска были разгромлены в Белоруссии и Красная Армия вышла к границам Польши и Восточной Пруссии.

Старший лейтенант Чельшев, которому командованием было поручено выполнять обязанности офицера связи от Первого гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса при штабе 5-й гвардейской танковой армии, сопровождая вместе с автоматчиком и двумя опытными шоферами генерала В. А. Ушакова на американском «виллисе», выдвинулся вслед наступающим частям в составе группы сопровождения.

«Нам удалось догнать оперативную группу штаба танковой армии ранним утром 26 июня в местечке Большие Ордовичи, — вспоминает Евгений Петрович. — Она состояла из двух-трех десятков «виллисов» и «доджей», передвигавшихся вслед за боевыми порядками наступавших танков. С душевным волнением ожидал я встречи с прославленными экипажами «тридцатьчет-

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ ВО ВРЕМЕННОМ ШТАБЕ 5-Й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИИ, БОЛЬШИЕ ОРДОВИЧИ. 1944 г.

верок» и самоходных орудий «ИС», отличившихся в боях под Сталинградом и других сражениях войны. Я благодарен судьбе, которая свела меня здесь с выдающимся полководцем Великой Отечественной войны — маршалом бронетанковых войск П. А. Ротмистровым, с которым мне посчастливилось общаться».

После короткой паузы в продвижении на Запад, которая для старшего лейтенанта Евгения Чельшева оказалась весьма насыщенной и памятной — неплохо владея немецким языком он переводил для маршала Ротмистрова допросы пленных немцев — колонна сопровождения в спешном порядке выдвинулась дальше в направлении наступления наших войск на Смоленск и далее к Минску.

«Освобождение Минска я помню так отчетливо, как будто это было совсем недавно, — говорит Евгений Петрович. — Всю ночь на 3 июля наша автоколонна продвигалась по лесной дороге. Впереди шел бой. Глухо хлопали танковые пушки, рассыпались пулеметные и автоматные очереди... Вдруг над нашими головами просвистели снаряды и разорвались где-то сзади... Оказывается, пропустив колонну наших танков, двигавшихся к городу, на шоссе из леса выползли три

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ, 1944 г.

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ НА ТРОФЕЙНОМ МОТОЦИКЛЕ, 1944 г.

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ, ПЕРВЫЙ ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ, 1944 г.

«фердинанда» — немецкие самоходки — и начали стрелять в хвост колонны продвигавшихся к городу наших танков, а заодно и обстреливать шоссе... Несколько наших танков, наступавших на Минск, развернулись и устремились назад, на ходу стреляя из пушек. Один «фердинанд» задымил, два других на большой скорости стали отходить к лесу...»

Ни с чем не сравнимая радость и гордость, которую испытывали освободители столицы Белоруссии, которых со слезами на глазах встречали жители этого города, бросая цветы на проходившую технику, обнимая и целуя освободителей, очень скоро сменилась изнурительными и смертельно опасными военными буднями. Офицер связи старший лейтенант Евгений Чельшев получил боевое задание нагнать колонну оперативной группы штаба танковой армии генерала-майора И.А. Вовченко и обеспечить взаимодействие между наступающими частями в районе населенного пункта Молодечно.

«Нашей колонне из двух автомашин добраться до Молодечно пришлось довольно долго и трудно, — вспоминает Евгений Петрович. — Но на этот раз не из-за опасности нарваться на немцев, а потому, что дороги, ведущие на запад, были буквально забиты наступающими пехотными тыловыми частями. Обгонять пехоту с запряженными лошадьми повозками, санитарными машинами и походными кухнями было практически невозможно. Поэтому мы влились в общий поток пехотинцев...»

Догнать колонну оперативной группы штаба танковой армии удалось лишь 8 июля в местечке Сморгонь. Потом начались ожесточенные бои за освобождение Вильнюса. Немцы отчаянно

сопротивлялись. Пришлось много поработать нашим «пешкам» и «илам». Перед штурмом города 162 самолета «Пе-2» нанесли мощный удар, после чего сопротивление немцев в Вильнюсе было сломлено.

«13 июля мы слушали по радио приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении Вильнюса, — вспоминает Евгений Петрович. — Среди соединений, особо отличившихся в боях за столицу Литвы, была названа и 5-ая Гвардейская танковая армия».

После короткой передышки, в течение которой механизированный состав этой армии был значительно обновлен и пополнен, она продолжила боевые действия, овладела 1 августа городом Каунасом и вышла к границам Восточной Пруссии. Оперативная группа бомбардировочного корпуса, в составе которого служил старший лейтенант Евгений Чельшев, сопровождая наших танкистов, проехала по фронтовым дорогам Белоруссии и Литвы более тысячи километров.

Все это время старшему лейтенанту Евгению Чельшеву, выполнявшему обязанности офицера связи, приходилось выполнять огромный объем сложной и ответственной работы, связанной с наведением нашей авиации на объекты противника, препятствовавшие продвижению танковой армии.

«Танки и механизированные части продвигались быстро, — вспоминает Евгений Петрович. — Задачи, которые они выполняли в ходе боя, часто менялись в зависимости от обстановки. Мы получали задание от танкистов на атаку с воздуха. По радиосвязи передавался зашифрованный боевой приказ в авиационные части,

после чего должно было поступить подтверждение о его правильном понимании. В дивизиях и полках задача прорабатывалась с летным составом. Затем требовалось подготовить экипажи к вылету, подвесить требуемый для выполнения данной задачи комплект

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ ПОЛУЧАЕТ ВАЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ ОТ ГЕНЕРАЛА-ЛЕЙТЕНАНТА И. Л. ТУРКЕЛЯ

бомб, взлететь, достичь данной цели и точно ее поразить. За это время обстановка на поле боя могла измениться, и приходилось порой перенацеливать уже находившиеся в воздухе самолеты».

Непредсказуемая обстановка на поле сражения и несовершенство радиотехники порой приводили к трагическим случаям, когда наша авиация вместо того, чтобы помогать развивать наступление, «отрабатывала» по своим и тем самым тормозила его. Случалось, что ошибочного удара

удавалось избежать лишь в последние секунды, благодаря смелым и неординарным действиям командующих, ценой собственной жизни пренебрегавших существующими инструкциями.

Что же касается старшего лейтенанта Евгения Челышева, то его умелые действия в сложной боевой обстановке в составе оперативной группы Первой воздушной армии в наступательной операции 5-ой гвардейской танковой армии на Витебском, Оршанском, Борисовском, Минском, Вильнюсском и Алитусском направлениях были по заслугам отмечены командованием. 15 июля 1944 года адъютант командира 1-го гвардейского бомбардировочного авиационного Витебского корпуса В. А. Ушакова был награжден орденом Красной Звезды.

На этой высокой ноте окончился фронтовой путь старшего лейтенанта Евгения Челышева. В сентябре 1944 года из-под Кенигсберга его направили учиться в Военную академию командного и штурманского состава в Монино. Но продолжиться армейской карьере было не суждено: в приеме было отказано из-за проблем со зрением. Война, тем не менее, близилась к победоносному концу, и надо было думать о том, кому предстоит поднимать страну из руин и обустраивать мирную жизнь. Поэтому в том же сентябре 1944 года Евгений Челышев, с учетом его неординарных лингвистических способностей, был направлен на учебу в Военный институт иностранных языков Советской Армии. Его он окончил с отличием в 1949 году и был зачислен в адъютантуру.

ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Учебе и последующей работе в Военном институте иностранных языков Советской Армии Евгений Петрович посвятил без малого двенадцать лет жизни. Это время наш академик вспоминает с большим удовольствием, замешанным на естественном чувстве ностальгии по былым временам, любит рассказывать курьезные истории, которые порой приключались со слушателями, не все из которых после фронтовых будней могли сразу привыкнуть к академическому учебному распорядку.

Молодость и кипучая энергия слушателей института в буквальном смысле слова били через край, порой выходя далеко за рамки служебного распорядка и расписания. Многие получали наряды вне очереди, некоторых наказывали иными дисциплинарными мерами воздействия. Но это было не важно: главное, что отчетливо осознавали все, было ощущение несказанного счастья от выстраданной в чудовищно тяжелой войне победы, за которой, как хотелось верить всем, должно было обязательно наступить мирное и счастливое будущее.

ПЕРЕД ВЫПУСКНЫМИ ЭКЗАМЕНАМИ.

В центре — преподаватель английского языка. 1949 г.

**ИНДОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВИИЯ. В ЦЕНТРЕ — ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
Н. Р. ГУСЕВА И НАЧАЛЬНИК КУРСА МАЙОР САТАЕВ.
Во втором ряду второй справа — Евгений Чельшев, 1948 г.**

**ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ (крайний справа) СО СВОИМИ ДРУЗЬЯМИ
СОКУРСНИКАМИ ВИИЯ**

КУРСАНТЫ ВИИЯ НА МОРСКОМ КУРОРТЕ. Наверху пирамиды — Евгений Чельшев

Наталья Романовна Гусева читала в индологическом отделении курс «Введение в индологию»; заметный вклад в усовершенствование лингвистических знаний внес полковник Михаил Николаевич Сотников, начальник кафедры индийских языков ВИИЯ. Всех преподавателей, которых вспоминает Евгений Петрович, трудно перечислить. Но он хорошо помнит их, рассказывает о каждом с большой симпатией и уважением.

В соответствии с распределением Евгению Петровичу предстояло изучать языки хинди и урду, введение в индологию, основы санскрита, персидского и арабского языков. А кроме того, английский язык, военный перевод, основы языкознания, русский литературный язык, историю мировой литературы, политэкономия и много всего другого.

Своих первых учителей академик Чельшев вспоминает с большой любовью и уважением. Израиль Самойлович Рабинович, очень способный, разносторонне образованный человек, был его первым учителем языков хинди и урду; На-

«Самое трудное время, проведенное в Военном институте, — вспоминает академик Чельшев, — была зима с 1944-го на 1945-й годы. Она была холодная и голодная. Заготовленных дров не хватало надолго. В аудиториях было холодно так, что пар шел изо рта. Несмотря ни на какие запреты, окоченевшие слушатели ломали стулья и табуреты и топили ими печи, а сидели на поставленных на попа чемоданах. Столы все-таки уцелели. Часами мерзли в очереди за скудным продовольственным пайком».

Учиться и овладевать знаниями в таких условиях, конечно, было очень нелегко. Но человеческая память обладает уникальным свойством: негативные воспоминания постепенно, со временем, утрачивают свою остроту, и наоборот, что-то яркое и светлое вспоминается очень часто, к нему хочется возвращаться вновь и вновь.

Одним из знаковых событий в личной жизни Евгения Петровича в годы его обучения в Военном институте стала крепкая

РЕПЕТИЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Слева-направо Евгений Чельшев, К. Запорожченко, П. Кречнев. 1948 г.

КУСАНТЫ ОТМЕЧАЮТ УСПЕШНО СДАННУЮ СЕССИЮ.
Крайний справа — капитан Евгений Чельшев

мужская дружба, которая сложилась между тремя курсантами — Александром Барановым, Касьяном Запорожченко и Евгением Чельшевым. Часто всплывают в памяти академика веселые и курьезные эпизоды из жизни трех неразлучных друзей, нередко безобидно подтрунивавших над некоторыми чрезмерно по-солдафонски настроенными преподавателями; озорные и задорные выходки веселой тройки, шумные и веселые вечеринки и застолья.

«Потом дружили уже семьями, — вспоминает Евгений Петрович, — ездили вместе отдыхать на Рижское взморье, в подмосковные дома отдыха. Особенно запомнилась последняя наша поездка зимой 1948 года на спортивную базу ЦСКА, расположенную на Воробьевых горах у подножья большого лыжного трамплина».

ИНДИЙСКАЯ ЭПОПЕЯ

Годы обучения в адъюнктуре прошли плодотворно, и в 1952 году Евгений Петрович защитил кандидатскую диссертацию под руководством академика А.П. Баранникова по теме «Современная общественно-политическая терминология литературного хинди (по материалам прессы на языке хинди)».

Молодой ученый подавал большие надежды, и поэтому уже вскоре после защиты диссертации ему было предложено занять должность начальника кафедры индийских языков.

В 1956 году после закрытия этого легендарного учебного заведения был демобилизован из армии в звании подполковника и приглашен на работу в Институт востоковедения АН СССР, в котором проработал до 1988 года, сначала в должности зав. сектором индийской филологии, а затем — заведующего отделом литературы народов Востока. Одновременно с 1956 по 1975 гг. руководил кафедрой индийских языков Московского государственного института международных отношений МИД СССР. В 1965 году защитил докторскую диссертацию «Традиции и новаторство в современной поэзии хинди» и в 1966 году получил звание профессора.

За годы академической работы на востоковедческом поприще Евгений Петрович создал собственную филологическую школу в индологии и воспитал целую плеяду талантливых учеников, многие из которых достойно продолжают его дело и по сей день.

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ И ПРОФЕССОР ИЕРУСАЛИМСКИЙ. Раджастан, 1956 г.

СЕКРЕТАРЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ АКАДЕМИИ ИНДИИ ПРАБХАКАР МАЧХВЕ
И Е. П. ЧЕЛЫШЕВ У СТАРОГО ЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ АКАДЕМИИ ИНДИИ.
Нью-Дели, 1956 г.

«На мой взгляд, подлинным «местом силы» в научной деятельности Евгения Петровича, областью, где он совершил настоящий прорыв, является индологическое литературоведение, создание школы изучения современных индийских (шире — южноазиатских) литератур, — говорит одна из его учениц и последователей, руководитель отдела восточных языков Института востоковедения РАН Анна Суворова. — До него подобной школы с преемственностью тем, проблематики, методов исследования и механизмов передачи знания в нашей стране просто не существовало». Поэтому своего учителя, как считает Анна Ароновна, впол-

не можно считать «создателем современного индологического литературоведения в СССР и России».

«Индолог по образованию, специалист по языку и литературе хинди, Е. П. Челышев начинал свой научный путь в те годы, когда в академической индологии преобладали историко-филологические исследования конкретного характера, — делится воспоминаниями Анна Суворова. — К переводам и исследованиям древних и средневековых индийских памятников, освященным вековым авторитетом классиков востоковедения, относились с глубоким пиететом, и на их фоне немногочисленные работы, посвященные литературе на «новых», «живых», языках народов Южной Азии, относительно недавно получивших независимость, считались не заслуживающими серьезного научного интереса. Во всяком случае, молодые индологи не спешили заниматься современной тематикой.

Можно без преувеличения сказать, что Е. П. Челышев практически в одиночку изменил предвзятое отношение академической среды к изучению современных литератур Востока, Индии в частности. Возглавив отдел литератур народов Азии, он выступил инициатором и разработчиком многочисленных научных дискуссий, из результатов которых строилось, как по кирпичику, современное восточное литературоведение. Охват проблем этих дискуссий, завершавшихся изданием коллективных монографий и сборников статей, поражает своим масштабом: это проблемы периодизации истории литератур Востока, традиционность и традиционализм, эволюция эстетической мысли, русская классика на Востоке и многое другое. Особенного накала достигли в 1960–1970 гг. дискуссии о возможностях типологического сопоставления средневековых

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ ВЫСТУПАЕТ С ДОКЛАДОМ НА КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ М. К. ГАНДИ, В БУДАПЕШТЕ. РЯДОМ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА РОМЕШ ЧАНДРА. Венгрия, Будапешт, 1969 г.

ИЗВЕСТНЫЙ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ВСЕВОЛОД ИВАНОВ И Е. П. ЧЕЛЫШЕВ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ПОЭТОМ Р. С. ДИНКАРОМ И ДЕЯТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАМЛОЙ РАТНАМ НА МЕЖДУНАРОДНОМ СИМПОЗИУМЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТАГОРА. Нью-Дели. 1961 г.

ВСТРЕЧА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИНДИИ ДАЛА БАХАДУРА ШАСТРИ НА АЭРОДРОМЕ ВНУКОВО. А. Н. КОСЫГИН, ПОСОЛ ИНДИИ В СССР Т. Н. КАУЛЬ И Е. П. ЧЕЛЫШЕВ. Москва, 1966 г.

литератур Востока с европейскими литературами эпохи Возрождения. Независимо от того, каким видится этот спорный тезис сегодня, эта и подобные ей дискуссии обогащали и разнообразили научную жизнь востоковедов».

В унисон звучат слова ближайшего соратника и единомышленника Евгения Петровича, проработавшего с ним бок о бок более шестидесяти лет, известного востоковеда и культуролога Аниса Хабибовича Вафы. Он не без основания считает, что «из исследования конкретного материала индийских литератур, и, прежде всего, литературы хинди, ее прозы, поэзии, литературной критики,

эстетических воззрений, выростали глубокие обобщающие идеи автора о единстве и многообразии мирового литературного процесса, о путях взаимодействия литератур, принадлежащих различным национальным и цивилизационным общностям. В его трудах не только раскрыты механизмы адаптации и усвоения опыта одних литератур другими (например, Пушкин, Толстой, Горький, Чехов или другие писатели или английские романтики в Индии); не только формы самореализации национальных традиций на различных этапах существования литературы, взаимосвязь традиционных и новаторских начал, но и на основе принципов стадийности обоснованы идеи развития (прогресса) восточных литератур, вос-

НА КОНФЕРЕНЦИИ ИСКО В ОРИССЕ. К. П. С. МЕНОН И Е. П. ЧЕЛЫШЕВ ПОДПИСЫВАЮТ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ИНДИЙСКИМ И СОВЕТСКИМ ОБЩЕСТВАМИ ДРУЖБЫ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ. СЛЕВА НАПРАВО: Е. П. ЧЕЛЫШЕВ, К. П. С. МЕНОН, РАМЕШ ЧАНДРА. Орисса, 1966 г.

производивших в своеобразных конфигурациях такие важнейшие фазы западного литературного и социокультурного процесса, как Возрождение, просветительство, модерн и, отчасти, постмодерн.

Вместе с тем все исследователи творчества Евгения Петровича отмечают, что в его трудах всегда подчеркивалась роль автохтонных традиций в становлении и эволюции национальных литератур. На этой основе он обосновал особую роль преемственности в литературном и социокультурном процессе стран Востока, показал, как своеобразное сочетание устойчивости традиций и новационного динамизма порождали сосуществование, взаимопритяжение и взаимоотталкивание типологически разнообразных течений, школ и направлений».

«Евгений Петрович Чельшев, — считает Анна Суворова, — предложил оригинальную методологическую концепцию «интегральной» истории индийских литератур. В двух фундаментальных монографиях «Современная индийская литература» (1981) и «Индийская литература вчера и сегодня» (1989) он представил литературный процесс в Индии как нечто единое целое, обладающее особой, узнаваемой индийской спецификой, несмотря на кажущееся регионально и национально-этническое несходство.

Развивая эту теорию, он продемонстрировал механизм действия знаменитой концепции «единства в многообразии», сформулированной еще Рабиндранатом Тагором, применительно к индийской культуре в целом. Две упоминавшиеся монографии можно рассматривать как теоретическую историю современной индийской литературы, поскольку обширный

БЕСЕДА С ИНДИЙСКИМ ПИСАТЕЛЕМ КРИШАНОМ ЧАНДРОМ.
Москва. 1970 г.

фактический материал на региональных или национальных, «живых», «новых» языках и его критическое осмысление подчинены одной цели. Это задача определить закономерности бытования разнородных литературных традиций в рамках общеиндийского литературного процесса, проследить механизм их саморегуляции на разных исторических этапах, выявить общность, «индийскость» в, казалось бы, самом неподатливом, внешне несхожем материале».

ИЗВЕСТНЫЙ ПОЛИТИК И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИНДИИ ДЖАЯПРАКАШ НАРАЯН С СУПРУГОЙ ПРАБХАВАТИ ДЭВИ ВМЕСТЕ С Е. П. ЧЕЛЫШЕВЫМ И ЕГО МЛАДШИМ СЫНОМ ДМИТРИЕМ НА ВЫСТАВКЕ ДОСТИЖЕНИЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. Москва, 1967 г.

Академическую деятельность в сфере изучения современной литературы Индии Евгению Петровичу всегда удавалось удивительно удачным и плодотворным образом сочетать с практической и организационной работой, нацеленной на расширение и разви-

тие российско-индийских связей в гуманитарной сфере, установление и развитие доверительных и дружеских контактов с многими выдающимися индийскими писателями и поэтами, видными представителями науки и культуры этой страны, государственными и общественными деятелями. Его вклад в сближение наших двух стран, в то, что в наши дни мы называем термином «особо привилегированное стратегическое партнерство», трудно переоценить. Очень верное сравнение в этой связи, как представляется, нашла его соратница и ученица Анна Суворова. «Настоящий «человек-оркестр», у которого в унисон звучит всякая новая научная тема, каждый освоенный им «инструмент», — таким ей представляется ее коллега и наставник. Подмечено очень верно, и данное определение, в чем, мы уверены, Анна Ароновна с нами согласится, можно было бы расширить, сказав, что «в унисон» в деятельности Евгения Петровича звучала не только всякая новая научная тематика, но и каждая его практическая инициатива, в основе которой лежало искреннее, а вовсе не конъюнктурное стремление укрепить и творчески обогатить дружеские связи между народами России и Индии.

Все достижения на этом поприще трудно перечислить в рамках этого краткого повествования. Сам Евгений Петрович, помнится, как-то взялся подсчитать, сколько раз ему довелось выезжать в командировки в Индию по линии различных ведомств и организаций. Считал-считал, но потом сбился и махнул на это рукой. Поэтому и мы вынуждены будем ограничиться лишь некоторыми знаковыми вехами этой долгой, плодотворной и увлекательной «одиссеи».

**ЧЛЕНЫ ДЕЛЕГАЦИИ ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ ДЖ. НЕРУ ВОЗЛАГАЮТ ВЕНОК
К МЕМОРИАЛУ ПЕРВОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ.
Нью-Дели, 1967 г.**

**РУКОВОДИТЕЛИ РОССИЙСКОГО И ИНДИЙСКОГО ОБЩЕСТВ
ДРУЖБЫ ДОКТОР А. В. БАЛИГА И Е. П. ЧЕЛЫШЕВ.
г. Бомбей.**

КАКА КАЛЕРКАР, ДРУГ И СОРАТНИК МАХАТМЫ ГАНДИ,
ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ,
ПОСОЛ СССР В ИНДИИ Н. М. ПЕГОВ, И Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА Е. П. ЧЕЛЫШЕВА С ИНДИРОЙ ГАНДИ В ДЕЛИ В 1956 Г.
НА ДЕВЯТОЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЮНЕСКО.
РЯДОМ С ИНДИРОЙ ГАНДИ — МИНИСТР КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКИСТАНА
Ю. ТАДЖИЕВА

Если продолжить образные сравнения, предложенные ученицей Евгения Петровича, то его индийскую эпопею можно было бы уподобить яркой праздничной гирлянде, в которой каждую светящуюся лампочку-событие неизменно и на протяжении многих десятилетий подобно электрическому току зажигал пронизывающий все его естество неутомимый энтузиазм, целеустремленность, граничащая с одержимостью в достижении поставленной цели, фантастическая работоспособность, личное обаяние и редкое умение расположить к себе собеседника и установить с ним дружеский и доверительный контакт, часто перераставший в многолетнюю и крепкую дружбу.

«Как научный деятель Евгений Петрович сделал очень много, — рассказывает о нем его ближайший соратник Анис Вафа. — Это, конечно, идет от его глубокого понимания общественного предназначения и роли науки. Но этого мало, чтобы стать научным деятелем. Нужно быть хорошим организатором. Но и этого недостаточно. Нужно уметь выявлять стратегически важные цели, ставить и реализовывать значимые научные задачи. А главное — это способность объединять людей, быть доброжелательным к окружающим. У Евгения Петровича все это есть. И еще он любит обмен мнениями, беседу, дискуссию, спор. Внутренне диалогичен. Поэтому, может быть, ему так удавалась организация научных дискуссий, оживляемых бурными обсуждениями, по итогам которых рождались глубокие коллективные труды».

... Очень важно, что и в научной деятельности, и в исследовательской работе академика Чельшева чудодейственным образом соединяется научная и гражданская стойкость позиции и, вместе

с тем, широта и пластичность по отношению к другим позициям, другим взглядам. Показательно его отношение к социалистическим идеям, сыгравшим свою роль в индийском культурном процессе. «Нельзя, — писал он, — отказываться от изучения проблематики, которая в недавнем прошлом считалась у нас престижной и приоритетной, например, от социалистических идей в литературе. Они были и остаются единой основой творчества многих известных индийских писателей, в том числе и не разделяющих коммунистических взглядов... Воздействие идей Октябрьской революции на индийскую литературу, рожденную национально-освободительным движением, вряд ли можно оспорить, потому что все это реально существовало, порой задавая тон в индийском литературном процессе». При этом автор этих строк всегда отчетливо сознавал, что время, новые факты, новые осмысления могут привести ученого на иные, чем прежде, позиции. Но ему было непонятно и неприятно, когда это делалось с легкостью необыкновенной. «Некоторые наши обществоведы из самых горячих и последовательных сторонников социалистических идей, быстро «перестроившись», превратились в самых их яростных критиков и опровергателей, как бы забыв о том, что они утверждали и активно отстаивали совсем недавно».

Первое личное знакомство с Индией, страной, которую до той поры Евгений Петрович изучал лишь заочно, состоялось в марте 1955 года. В составе делегации Советского комитета защиты мира, возглавляемой его председателем, известным советским поэтом Николаем Семеновичем Тихоновым, он отправился в Дели на конференцию стран Азии по ослаблению напряженности в международных отношениях.

Н. С. ТИХОНОВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ МИРА, ВYSTУПАЕТ НА КОНФЕРЕНЦИИ В ДОМЕ ДРУЖБЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ ЮБИЛЕЮ МИРЗЫ ГАЛИБА. Е. П. ЧЕЛЫШЕВ — СЛЕВА ОТ Н. С. ТИХОНОВА, СПРАВА — ПОСОЛ ИНДИИ Д. П. ДХАР И ПОСОЛ ПАКИСТАНА ХАЙДАР

Любопытно, что первая поездка Евгения Петровича в эту страну состоялась, когда он еще работал в Военном институте иностранных языков и состоял на службе в армии в звании подполковника. В те годы, когда «железный занавес», отделявший нашу страну от всего остального мира, еще только начинал приподниматься, подобная ситуация выглядела крайне необычно. Но Евгений Петрович к тому времени уже очень неплохо освоил язык хинди и считался у нас в стране одним из лучших его знатоков. Поэтому Николай Тихонов и обратился к начальнику Военного института генералу-лейтенанту М. С. Хозину с просьбой включить молодого

индолога в состав делегации в качестве переводчика и сопровождающего в будущей поездке.

Советская делегация участвовала в работе конференции с 6 по 10 апреля 1955 года. Потом участники совершили небольшую поездку по стране. Евгений Петрович вспоминает, насколько его поразил огромный интерес, которые проявляли к гостям из страны Советов тысячи индийцев, принимавших участие в многочисленных митингах в их честь, как они выражали восхищение

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ И ПОЭТ М. ТУРСУН-ЗАДЕ С ИНДИЙСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ АМРИТОЙ ПРИТАМ, КРИШАНОМ ЧАНДАРМОМ И Н. СИНГХОМ. ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ИНДИИ. 1955 г.

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ ОТКРЫВАЕТ ЗАСЕДАНИЕ СЕМИНАРА «МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ИНДИЯ»

оказалась знаковой: в ходе работы форума он познакомился и подружился с известным таджикским писателем и поэтом Мирзо Турсун-заде, который входил в состав советской делегации.

«Мы были с ним все время вместе, — вспоминает Евгений Петрович. — Участвовали в работе конференции, выступали на митингах, встречались и беседовали с индийскими друзьями, прежде всего с писателями. И я бесконечно благодарен моему таджикскому другу за то, что именно он по-настоящему познакомил меня с Индией, помог понять и полюбить простых людей этой замечательной страны».

Совместная поездка в Индию положила начало большой и искренней дружбе. После нее Евгений Петрович много раз встре-

нашей страной и всячески стремились подчеркнуть братские чувства, испытываемые по отношению к советским людям. И, конечно же, всех особо восхищало мастерское владение молодого индолога их родным языком. Ведь он был одним из первых советских людей, свободно общавшихся с ними на их родном языке.

Эта командировка для молодого индолога

чался с Мирзо Турсуновичем: летом 1955 года в Душанбе, куда прилетела большая делегация индийских борцов за мир; в Ташкенте в 1958 году в ходе работы Первой конференции писателей стран Азии и Африки; в Хельсинки в 1965, где им вместе довелось участвовать во Всемирной конференции в защиту мира; в 1968 году в Нью-Дели, где друзей на торжественной церемонии награждали премией им. Джавахарлала Неру за выдающийся вклад в дело советско-индийской дружбы; в Москве в 1971 году в Колонном зале Дома союзов, на торжестве, посвященном 60-летию со дня рождения выдающегося деятеля таджикской культуры.

«В апреле 1981 года мне вновь довелось побывать в Индии, — вспоминает Евгений Петрович. — На одном из собраний, куда меня пригласили индийские писатели, зашел разговор о наших литературных связях, о тех писателях, кто заложил их фундамент, и, конечно же, о Мирзо Турсун-заде. Я рассказал индийским друзьям о том, как высоко чтят в нашей

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ И ПОЭТ М. ТУРСУН-ЗАДЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ. Индия, 1955 г.

стране память этого замечательного поэта, какой любовью и уважением пользуется его имя. К сожалению, пришлось, конечно, рассказать и о том, как в декабре 1979 года, во время своего пребывания в Душанбе, я поклонился могиле дорогого незабвенного друга».

НА ПРИЕМЕ У ГЛАВНОГО МИНИСТРА ШТАТА ОРИССА В ЧЕСТЬ ЧЛЕНОВ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА ИСКО И Е. П. ЧЕЛЫШЕВА. СРЕДИ ИНДИЙСКИХ ДРУЗЕЙ — ГОСПОДА МОХАНТИ, БАЛРАДЖ САХНИ, А ТАКЖЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ССОД В КАЛЬКУТТЕ Ф. Н. ЮРЛОВ

А тогда, в далеком апреле 1955 года, после успешного завершения конференции состоялся многолюдный митинг индийской общественности, на котором выступали делегаты и прозвучали песни дружбы и мира. Их пели индийские, китайские, японские и корейские девушки и юноши. Особо запомнилась Евгению Петровичу песня индийских борцов за мир «Милке чало» («Вперед, тесней ряды!») в исполнении самодеятельного ансамбля под руководством Вайда Пракаша. «Трудно забыть, — вспоминает академик, — с каким подъемом и страстью звучали слова этой песни, и как восторженно она была встречена участниками торжественного мероприятия».

Еще одна яркая страница в многолетней индийской «одиссее» Евгения Петровича открылась после визита первого премьер-министра в Советский Союз летом 1955 года, который ознаменовал начало новой эпохи в отношениях между нашими странами, заложил фундамент дружбы, взаимопонимания, многостороннего взаимовыгодного сотрудничества в разных сферах экономической, общественно-политической и культурной жизни. Соглашения, подписанные между нашими странами, предусматривали не только помощь Индии в создании современной промышленности.

Еще одна яркая страница в многолетней индийской «одиссее» Евгения Петровича открылась после визита первого премьер-министра в Советский Союз летом 1955 года, который ознаменовал начало новой эпохи в отношениях между нашими странами, заложил фундамент дружбы, взаимопонимания, многостороннего взаимовыгодного сотрудничества в разных сферах экономической, общественно-политической и культурной жизни. Соглашения, подписанные между нашими странами, предусматривали не только помощь Индии в создании современной промышленности.

Достигнутые договоренности предполагали всемерное расширение и обогащение культурного обмена. В этот важный раздел Дж. Неру предложил включить некоторые новые, принципиально важные элементы. Так, например, по предложению индийского лидера, в развитие нового соглашения о культурном сотрудничестве, в Россию из Индии планировалось направить в долгосрочную командировку группу молодых высококвалифицированных специалистов из различных сфер гуманитарной деятельности, хорошо зарекомендовавших себя на родине. Уже в ноябре 1956 года они прибыли в Москву. В их числе были Бхишам Сахни, Зое Ансари, Гопия Кришна Гопеш, Сома Сундарам, Нони Бхоумик и, конечно же, Мадан Лал Мадху.

Все они были зачислены сотрудниками индийской секции при московском «Издательстве иностранной литературы», преобразованном впоследствии в издательства «Прогресс» и «Радуга». Руководителем секции был назначен индолог, бывший офицер советской армии, участник Великой Отечественной войны Георгий Петрович Никифоров. Евгений Петрович, во многом благодаря которому был осуществлен этот проект, был в те годы руководителем отдела литератур народов Востока в Институте востоковедения Академии наук СССР и по совместительству заведующим кафедрой индийских языков в Институте международных отношений МИД СССР.

«В годы бурно развивавшегося российско-индийского сотрудничества индийские специалисты были у нас, что называется, «нарасхват», — вспоминает академик. — Бхишам Сахни, ставший впоследствии видным индийским писателем, сразу же включился

в работу по подготовке международной конференции писателей Комитета афро-азиатской солидарности, Нони Бхоумик с головой погружился в подготовку к изданию на русском языке 12-томного собрания сочинений Рабиндраната Тагора, Зое Ансари, по возвращении из России в Индию заведовавший кафедрой русского языка в Бомбейском университете, оказался незаменимым в редактировании готовящегося урду-русского словаря. С Мадан Лалом Мадху наряду с совместной увлекательной исследовательской работой мы сразу же активно включились в деятельность Общества советско-индийской дружбы (ОСИД). Мне выпала честь быть вице-президентом, а затем в течение многих лет — президентом этой общественной организации, внесшей заметный вклад в укрепление культурного взаимодействия между нашими странами. Мадху же стал президентом созданной в июне 1957 года Индийской ассоциации «Хиндустани Самадж».

ИЗВЕСТНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ ИНДИИ КРИШНА МЕНОН БЕСЕДУЕТ С Е. П. ЧЕЛЫШЕВЫМ. Нью-Дели, 1968 г.

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ ОТКРЫВАЕТ ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ЮБИЛЕЮ ИНДИЙСКОЙ ПОЭТЕССЫ САРОДЖИНИ НАЙДУ. СПРАВА — ПОСОЛ ИНДИИ В СССР И. К. ГУДЖРАЛ, СЛЕВА — ЕГО СУПРУГА ШИЛА ГУДЖРАЛ

В июне 1957 года состоялось учредительное собрание индийцев, проживавших и работавших в Москве. Исполняющим обязанности президента нового общества стал известный индийский поэт Рамкумар Варма, а после его отъезда в Индию этот пост занял близкий друг и коллега Мадху Бхишам Сахни. В 1975 году президентом «Хиндустани Самадж» стал Мадху, который бессменно занимал этот пост более 30 лет.

С годами «Хиндустани Самадж» превратилось в эффективно функционировавшую ячейку народной дипломатии, как

принято сейчас говорить, в одно из звеньев «мягкой силы», налаживавшей и развивавшей добрососедские, дружеские и доверительные отношения между народами наших стран. И очень важно, что у истоков ее деятельности и в последующие годы бурного подъема российско-индийских отношений, носивших, как тогда говорили, «особый характер», главами индийских дипломатических миссий в нашей стране были такие выдающиеся политики и общественные деятели, как К. П. С. Менон, Дурга Прасад Дхар, Нурул Хасан, Трилоки Натх Кауль, Индра Кумар Гуджрал, Кеваль Синх.

ВИЗИТ ИНДИЙСКОГО АКТЕРА РАДЖ КАПУРА В ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

По блестящей эрудиции, глубоким знаниям в области международных отношений и дипломатическому опыту им соответствовали и наши послы в Индии. Это прежде всего А. Н. Бенедиктов, Н. М. Пегов, Ю. М. Воронцов.

Обе общественные организации — «Хиндустани Самадж» и ОСИД, связанные единством целей и задач, долгое время плодотворно взаимодействовали и дополняли друг друга на ниве российско-индийского сотрудничества. Посещавшие нашу страну широко известные в Индии писатели, среди которых были Фаиз Ахмад Фаиз, Сумитранандан Пант, Рамдхари Синх Динкар, Х. Р. Баччан, Яшпал, Кайфи Азми, Раджендра Сингх Беди, Камлешвар, Шиванчал Синх Суман, находились в тесном контакте с руководимым Мадху обществом. В литературных вечерах и кинопреьерах по его инициативе участвовали звезды индийского кинематографа — особенно популярный в те годы Радж Капур, несравненная красавица Наргис, нередкими гостями в общественных мероприятиях были Рамешвари Неру, Сваран Сингх и многие другие видные индийские политики.

... Весна 1957 года. Большая делегация Института востоковедения АН СССР во главе с его директором Бободжаном Гафуровым прибыла в Ташкент для участия в первой всесоюзной конференции востоковедов. Это был своего рода «смотр сил» отечественной востоковедной науки, призванный выявить ее достижения и указать на недостатки.

«Содержательный и критичный доклад Гафурова, — вспоминает Евгений Петрович, — задали тон всей конференции, которая прошла в обстановке острых дискуссий, споров, обсуждения

УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВОСТОКОВЕДОВ. Ташкент, 1957 г.

новых направлений развития востоковедной науки, поисков путей решения возникающих сложных вопросов».

По итогам конференции был образован координационный совет по востоковедению под председательством Гафурова и аффилированная с ним центральная координационная комиссия по восточной литературе, которую сначала возглавил профессор Иосиф Брагинский, а потом на этом посту его сменил Евгений Петрович.

Эта структура полностью себя оправдала. Благодаря ей удалось найти и сформировать немало талантливых молодых ученых

из среднеазиатских республик, Грузии, Азербайджана, Армении и бывших прибалтийских республик. Многие из этих специалистов так называемого «гафуровского призыва» впоследствии значительно преуспели в разных областях знаний, снискали международный авторитет и признание и прославили свою отечественную востоковедную науку. И как бы ни складывалась политическая конъюнктура в этих странах, академическое сообщество там продолжает высоко чтить память Бободжана Гафурова, заложившего

фундамент советской востоковедной науки. Тому существует немало свидетельств.

Памятной вехой в многогранной и впечатляющей научно-организационной деятельности академика Евгения Петровича Чельшева на ниве развития и укрепления российско-индийских гуманитарных связей стала рериховская тема. Она началась задолго до учреждения в Москве Международного центра Рерихов, к большому сожалению превратившегося с годами в центр раздоров и склок

и совсем недавно бесславно завершившего свое существование. Но это отдельная история, которую мы не собираемся ворошить, хотя «разборки» этой организации с российскими государственными структурами дорого обошлись Евгению Петровичу с точки зрения его здоровья и душевного самочувствия. Что же касается Юлиа Михайловича Воронцова, блестящего дипломата и замечательного человека, которому не посчастливилось на склоне лет быть избранным президентом МЦР, то его жизненный путь вообще прервался раньше срока благодаря переживаниям на почве бесконечных и бессмысленных интриг. Начиналось же все на «высокой ноте».

«Вскоре после возвращения нашей делегации по завершении 24-го международного конгресса востоковедов, который проходил в Мюнхене осенью 1957 года, нас с заведующим отделом Индии Владимиром Балбушевичем пригласил

ДЕЛЕГАЦИЯ ИНДИЙСКИХ УЧЕНЫХ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР. ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА АКАДЕМИК Б. Г. ГАФУРОВ, Ю. Н. РЕРИХ, Е. П. ЧЕЛЫШЕВ, А. М. ДЬЯКОВ, ЗАВ. ОТДЕЛОМ ИНДИИ В. В. БАЛБУШЕВИЧ. Москва, 1958 г.

Гафуров, — вспоминает Евгений Петрович. — Он проинформировал нас о том, что в Институт востоковедения на постоянную работу прибывает старший сын Николая Константиновича Рериха — Юрий Николаевич».

Не говоря уже о широкой общественности нашей страны, даже специалисты-индологи мало в те годы знали об этой замечательной русской семье, своим подвижническим трудом прочно скрепившей духовное и нравственное родство между народами России и Индии. Были известны лишь скудные факты: во время визита Хрущева и Булганина в Индию осенью 1955 года на приеме в российском посольстве Юрий Николаевич обратился к главе советского государства с просьбой разрешить ему, исполняя волю и завет отца, завершить свои странствия по миру и вернуться на родину в Россию. Хрущев дал свое согласие.

Нельзя исключить, что на решение советского руководства повлияла встреча Евгения Петровича с Владимиром Шибяевым, личным секретарем Николая Константиновича Рериха, которая совершенно случайно состоялась во время первого визита молодого ученого в Индию весной 1955 года.

Как бы там ни было, но талантливому ученому удалось выполнить волю отца и осуществить свою заветную мечту. Юрий Николаевич приехал в Советский Союз и по решению Гафурова 19 сентября 1957 года был зачислен в индийский отдел старшим

НА КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ Н. К. РЕРИХА. С. Н. И Ю. Н. РЕРИХИ, Л. В. ШАПОШНИКОВА, ДЕВИКА РАНИ, Е. П. ЧЕЛЫШЕВ И ДР. Москва, 1974 г.

научным сотрудником сектора истории и философии в отделе Индии и Пакистана. В 1958 году ученый совет Института востоковедения присудил ему степень доктора филологических наук по совокупности научных работ без защиты диссертации.

Евгений Петрович принял самое активное участие в организации научно-исследовательской работы Юрия Рериха в Институте востоковедения. Во многом по его инициативе в институте был учрежден кабинет Рериха, в котором была размещена вся

привезенная с собой Рерихом обширная библиотека древних книг и рукописей, организованы рабочие места для его учеников — молодых советских ученых: Елизаренковой, Выхухолева, Пятигорского, Талмуд, Дылыковой и многих других.

К сожалению, Юрию Николаевичу не суждено было долго проработать на новом месте. 21 мая 1960 года он скорпостижно скончался от обширного инфаркта на 58-м году жизни. Но даже за такой короткий период он успел сделать в нашей стране очень немало: благодаря его усилиям возобновились выпуски серии Bibliotheca Buddhica, прерванные в годы репрессий в 1938 году, под его редакцией вышли в свет переводы «Дхаммапады» (Афоризмов Будды) — важнейшего текста южного буддизма, были напечатаны другие важнейшие тексты буддизма.

... Знаковой вехой в развитии российско-индийских связей в области литературы и искусства стала конференция писателей стран Азии и Африки, состоявшаяся осенью 1958 года в Ташкенте.

Евгений Петрович принял в ней самое активное участие в составе научной делегации Института востоковедения и, насколько можно судить по ее итогам, сумел выполнить наказ директора Института Бободжана Гафурова. Талантливый и мудрый директор справедливо полагал, что переводы на русский язык и издание в нашей стране книг ведущих восточных писателей и поэтов, определяющих пути развития современной литературы, позволят широкой общественности нашей страны лучше понять многовековую культуру и традиции этих стран, что будет способствовать укреплению взаимопонимания и доверия между народами.

«Ташкентская конференция, — как вспоминает академик Евгений Чельшев, — стала важным стимулом развития творческих связей между литераторами стран Азии и Африки, способствовала развитию интенсивной переводческой деятельности, расширила наши представления о состоянии и путях развития современной восточной литературы».

В итоге полки российских книжных магазинов и хранилища библиотек значительно пополнились и обогатились так называемыми «дарами Ташкента»: издательством «Восточная литература» были изданы «Очерки литературы хинди» Шивдансинха Чаухана, «История литературы урду» Саïда Эhtiшама Хусейна, «История индийских литератур» Нагендры и многие другие книги, которые сейчас уже можно отнести к разряду подлинных раритетов и бестселлеров.

Сейчас уже мало кто знает, что душой всей этой многотрудной деятельности, вдохновителем и инициатором многих издательских проектов выступал в те годы молодой и талантливый уче-

ВСТРЕЧА С КЛАССИКОМ ПОЭЗИИ ХИНДИ СУМИТРАНАНДАНОМ ПАНТОМ В ХОДЕ ТОРЖЕСТВ, ПОСВЯЩЕННЫХ 100-ЛЕТИЮ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА.
Москва, Дом Дружбы, 1961 г.

тровича находить общий язык в разговоре и располагать собеседника к доверительному и дружескому общению в сочетании с огромным личным обаянием и широчайшей научной эрудицией и филигранным владением восточными языками, а самое главное — искренняя симпатия и доброжелательное отношение к коллеге по дискуссии, подобно магическому ключику открывали для него «волшебный ларчик» к сердцам и умам многих выдающихся индийских общественных и политических деятелей, столпов индийской культуры, литературы и поэзии.

ный-энтузиаст Евгений Петрович Чельшев. Его неутомимая энергия и упорство в достижении поставленной цели не пропали даром — издательства «Прогресс» и «Радуга» развернули впоследствии масштабную деятельность по переводу и изданию в нашей стране произведений восточных классиков. И в этом состоит немалая заслуга Евгения Петровича.

Уникальная способность Евгения Пе-

Одним из них стал Сумитранандан Пант, один из наиболее известных индийских поэтов 20-го века, лауреат премии им. Джавахарлала Неру, стихи которого были переведены на многие индийские и европейские языки.

«Впервые я познакомился с его стихами в начале 50-х годов, — вспоминает Евгений Петрович. — В то время у нас только начиналась работа по переводу и изданию большими тиражами индийской литературы, и Сумитранандан Пант оказался одним из первых, кто привлек наше внимание».

Сборник «Стихи индийских поэтов» вышел в свет в 1956 году. Осенью того же года Евгений Петрович в составе советской делегации принял участие в девятой Генеральной конференции ЮНЕСКО в Дели, где он впервые встретился с Пантом.

«Эта встреча принесла мне большую пользу, — вспоминает Евгений Петрович. — Она помогла глубже проникнуть в его творческую лабораторию, в его художественный мир, лучше разобраться в его эстетических взглядах, нацелила на поиски новых, более совершенных путей и способов перевода его поэзии на русский язык».

Через три года, в начале 1959-го, усилиями Евгения Петровича, которому удалось привлечь к переводу стихов Панта наряду с Анной Ахматовой маститых советских поэтов-переводчиков, — В. Державина, А. Арго, С. Северцева,

М. Кудинова и других, — в Москве вышел в свет сборник стихов известного индийского поэта.

Дружеское общение и творческое взаимодействие маститого поэта и талантливого филолога и переводчика продолжалось еще многие годы. Была памятная встреча в Аллахабаде и душевное общение в уютной резиденции Панта, куда Евгению Петровичу удалось вырваться на один день, несмотря на плотный график конференции индийских борцов за мир в Калькутте, затем — встреча в Москве, куда Пант прибыл по приглашению Советского Союза обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

«Вместе с ним мы осматривали Кремль, Выставку достижений народного хозяйства, были в Большом театре, — вспоминает

Сумитранандан Пант
ГИМАЛАЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

Евгений Петрович. — Потом я пригласил своего индийского друга к себе домой. Помню, какое большое впечатление произвела на всех членов моей семьи глубокая эрудиция Панта, его широкие познания в различных областях не только литературы, философии, истории, но и в естественных науках».

После семейного ужина Евгений Петрович вместе с Сумитрананданом Пантом

вылетели в Дели для участия в торжественных мероприятиях, посвященных 100-летию со дня рождения Рабиндраната Тагора.

В судьбе каждого человека, наверное, бывают мгновения, которые отчетливо запечатлеваются на всю оставшуюся жизнь. Один из таких эпизодов Евгений Петрович вспоминает часто.

... После долгого разговора на борту самолета по пути в Дели собеседники наконец задремали. И вдруг Евгений Петрович очнулся от возгласа Панта: «Посмотрите скорее в иллюминатор! Ведь под нами Гималаи!» Видимость, действительно, была прекрасная. Горы были озарены лучами восходящего солнца. «Наконец-то я увидел их сверху», — взволнованно произнес Пант. «Он был в каком-то необыкновенно приподнятом, восторженном настроении», — вспоминает Евгений Петрович.

Последняя встреча с Пантом состоялась в Дели в конце 1964 года. Он тогда всего на несколько дней приехал из Аллахабада по делам, связанным с изданием своей книги. «Нам удалось тогда лишь переговорить накоротке на какой-то шумной встрече литераторов. Потом ездили с ним в делийское издательство «Раджкамал Пракашан», в котором вышли в свет многие его произведения, а также работы индийских литераторов о его творчестве».

Образ Гималаев у Панта, также как и у Николая и Святослава Рерихов, неразрывно ассоциировался с образом Индии. Его замечательные стихи, посвященные этой удивительной горной стране, были опубликованы в его сборнике стихов под названием «Гималайская тетрадь», вышедшем в свет в 1965 году под редакцией Евгения Петровича Чельшева.

Больше друзьям и коллегам встретиться так и не удалось, хотя Евгений Петрович после выхода этой книги в свет несколько раз бывал в Индии. Единственным способом общения оставалась лишь переписка. Но и этот, хотя и не совсем полноценный способ взаимодействия, все же принес свои плоды: в конце 1968 года от Панта пришло письмо, в котором он обстоятельно и подробно ответил на все вопросы, которые ставил перед ним советский ученый. В итоге, в конце 1970 года на языке хинди вышла книга Евгения Петровича, озаглавленная «Сумитранандан Пант. Традиции и новаторство в современной поэзии хинди».

... Всему, к сожалению, в этой жизни приходит конец. В первых числах января 1978 года в посольстве Индии в Москве под председательством посла Индии в СССР Индера Кумара Гуджрала состоялось траурное собрание в связи с кончиной Сумитранандана Панта. Ушел из жизни замечательный поэт, который верно всю жизнь служил своему народу, мечтал об идеале совершенного человека, достойного строителя независимой Индии.

Еще один яркий эпизод в творческой и научно-организаторской биографии Евгения Петровича связан с его активным и плодотворным содействием в установлении и развитии контактов с весьма популярной и уважаемой в Индии религиозно-благотворительной организацией — Монашеским орденом Рамакришны, основанной философом, демократом и просветителем Свами Вивеканандой — учеником и последователем известного религиозного мистика Шри Рамакришны Парамахансы в 1897 году.

Деятельность организационно-практического крыла Ордена — Миссии Рамакришны — всегда была направлена на гуманиза-

**ВСТРЕЧА С ВИДНЫМ ДУХОВНЫМ ЛИДЕРОМ ИНДИИ
СВАМИ РАНЖАНАТХАНАНДОЙ В ФИЛИАЛЕ МИССИИ РАМАКРИШНЫ.
Нью-Дели. 1989 г.**

цию общественных отношений, борьбу за преодоление религиозно-общинной вражды и кастовой дискриминации, осуществление мер по усовершенствованию системы образования и его возможно более широкого распространения среди низших каст, разнообразную помощь и культурно-просветительскую работу в районах трущоб, осуществление реформ в области сельского хозяйства, создание здравоохранительных учреждений и пунктов первой медицинской помощи.

Тем не менее, в середине 50-х годов прошлого столетия, в эпоху полного доминирования в СССР воинствующего атеизма и ярого

иконоборчества, требовалось немалое гражданское мужество, чтобы пойти на активные контакты с ведущими деятелями этой организации, пренебречь устоявшимися стереотипами и догмами ради открывающихся широких перспектив взаимовыгодного сотрудничества.

Первая встреча с одним из ярчайших лидеров Ордена современности — Свами Ранганатханандой, состоялась в Дели осенью 1956 года. Свами был тогда главой делейского отделения Миссии Рамакришны.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВАМИ ВИВЕКАНАНДЫ. С ДОКЛАДОМ ВЫСТУПАЕТ Е. П. ЧЕЛЫШЕВ. В ПРЕЗИДИУМЕ: ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА АКАДЕМИК Б. Г. ГАФУРОВ И СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА (СЛЕВА НАПРАВО): Э. Н. КОМАРОВ, А. М. ДЬЯКОВ, И. С. БРАГИНСКИЙ, С. Л. ТИХВИНСКИЙ

«С большой благодарностью я вспоминаю этого замечательного человека, который помог мне лучше понять особенности индийской духовной культуры, оценить тот вклад, который внесли в нее Свами Вивекананда и его учитель Шри Рамакришна», — рассказывает Евгений Петрович.

Недолгое общение с ведущим теоретиком монашеского Ордена, глубоко эрудированным человеком и блестящим оратором оказалось знаковым: оно положило начало долгому и успеш-

ному сотрудничеству советских и российских востоковедов с этой авторитетной индийской организацией.

Уже спустя пять лет, в августе 1961 года Свами Ранганатхананда посетил нашу страну в ходе своего лекционного турне по миру по приглашению Института востоковедения. Инициатором этого визита стал, конечно же, Евгений Петрович, убедивший руководство этого учреждения в необходимости расширения диапазона диалога с дружественной нам страной.

«Прибыв в Москву, Свами прежде всего посетил Ясную Поляну для того, чтобы отдать дань любви и уважения великому русскому писателю, открывшему для России учение Вивекананды», — вспоминает Евгений Петрович.

Но конечно же, большую часть времени в Москве индийский монах проводил в Институте востоковедения, выступал с лекциями, отвечал на

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР,
ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВАМИ ВИВЕКАНАНДЫ.
С ДОКЛАДОМ ВЫСТУПАЕТ Е. П. ЧЕЛЫШЕВ**

вопросы и сам много спрашивал, интересовался, насколько правильно понимают его собеседники.

Памятной вехой на пути развития сотрудничества с этой индийской организацией стали торжества, посвященные 100-летию со дня рождения основателя монашеского Ордена — Свами Вивекананды. В Индии эти мероприятия проходили с большим размахом. Особо можно выделить мемориальный сборник, опубликованный в Калькутте, с предисловием президента Индии Сарвапали Радхакришнана. В него, наряду с размышлениями маститых биографов и исследователей о жизни и творчестве великого индийского мыслителя, по инициативе

Свами Ранганатхананды была включена статья молодого советского востоковеда Евгения Петровича. Не прошла незамеченной эта памятная дата и в нашей стране, в чем также была немалая заслуга будущего академика, инициатора системного и предметного исследования в нашей стране творчества великого индийского мыслителя. В Институте востоковедения АН СССР под председательством Бобджана Гафурова прошло торжественное собрание советской научной общественности, посвященное этой знаменательной дате.

Подлинного расцвета российско-индийские научные связи с этой религиозно-благотворительной структурой, пользующейся в Индии заслуженным уважением и авторитетом, достигли в 80-х годах прошлого столетия, когда Институт культуры Ордена в Калькутте возглавлял высоко чтимый монах Свами Локешварананда. Под его руководством Институт приобрел подлинно международный академический статус и превратился в площадку для творческого и свободного диалога ученых и специалистов из различных стран мира по самому широкому спектру вопросов, подчас довольно острых и дискуссионных.

В эти годы Свами Локешварананда, блестящий оратор и популяризатор идей, положенных в основу деятельности монашеского Ордена его основателем Свами Вивеканандой, четырежды побывал в нашей стране по приглашению Академии наук, участвовал в конференциях и симпозиумах, проводимых по линии Института востоковедения. Излишне говорить, что инициатором всех этих визитов выступал Евгений Петрович, который настойчиво, несмотря на порой оказываемое сопротивление, «пробивал» эти визиты, справедливо усматривая в них громадный потенциал для расширения

российско-индийского духовного взаимодействия и гуманитарного сотрудничества.

С благословения директора Института культуры стали осуществляться совместные издательские проекты. В 1987 году в Калькутте с предисловием Евгения Петровича был издан сборник работ российских индологов, посвященных жизни и деятельности Свами Вивекананды, пытавшегося воплотить учение своего учителя Рамакришны Парамохансы в повседневную жизнь Индии.

Апофеозом этого взаимодействия стало участие Свами Локешварананды в качестве почетного гостя в торжественных мероприятиях, прошедших в нашей стране в 1988 году в рамках празднования 1000-летия христианства на Руси.

БЕСЕДА ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ МЕЖДУ СВАМИ ЛОКЕШВАРАНАНДОЙ И МИТРОПОЛИТОМ АЛЕКСИЕМ (ВПОСЛЕДСТВИИ ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ), С УЧАСТИЕМ Е. П. ЧЕЛЫШЕВА И М. Л. САЛГАНИК

Среди почетных гостей юбилейных мероприятий были многие видные религиозные деятели различных стран. Свами Локешварананда впервые в нашей стране официально представлял индуизм, конечно не в его ортодоксальной форме, а в той возвышенной и философской адвайтистско-ведантистской интерпретации, каким его представлял себе основатель Ордена. Вместе с иерархами русской православной церкви и других конфессий он занял место в почетном президиуме торжественного собрания, посвященного этому юбилею в Большом театре.

После завершения торжеств в Агентстве печати «Новости» по инициативе Евгения Петровича был организован «круглый стол», на котором обсуждалась роль духовной культуры в сближении народов, в укреплении дружбы и взаимопонимания. Это мероприятие без преувеличения можно считать уникальным в истории российско-индийских культурных и духовных связей. На одной медийной площадке встретились в дружественной, располагающей к доверительному диалогу обстановке, иерархи двух мировых религий: Свами Локешварананда и митрополит Таллинский и Ленинградский Алексей, ставший впоследствии Святейшим Патриархом Всея Руси. Переводила беседу известный востоковед, блестящий знаток восточной культуры и автор переводов на русский язык многих произведений индийских философов и общественных деятелей Мариам Салганик.

По материалам этой дискуссии в Москве на английском языке вышла брошюра, торжественное представление которой состоялось в Миссии Рамакришны в Калькутте.

В это же время в Москве на собрании общественности в Доме дружбы с народами зарубежных стран было основано Об-

щество Свами Вивекананды по изучению и популяризации в нашей стране индийской духовной культуры. Свами Локешварананда благословил участников собрания и пожелал успехов в работе новой структуры. Евгения Петровича избрали его президентом, а представителем Ордена в Москве был назначен подающий большие надежды монах ордена — Свами Джоитирупананда. Семена духовности, заботливо посаженные в благодатную почву, дали богатые всходы: общество, ориентированное на расширение знаний общественности нашей страны о духовной культуре Индии и изучение творческого наследия Свами Вивекананды, работает и по сей день.

Усилия Евгения Петровича, направленные на укрепление связей российской академической общественности с Миссией Рамакришны, были высоко оценены индийской стороной: в феврале 1989 года он был удостоен Международной премии имени Свами Вивекананды. Ему ее вручили в Калькутте в ходе проведения международного семинара, посвященного обсуждению проблем бескорыстного служения, благотворительности и милосердия. Евгению Петровичу выпала большая честь — он получил престижную награду из рук главы Ордена Рамакришны Свами Бхутешананды.

Творческий и научный диалог с Миссией Рамакришны, который с годами становился все шире и многообразнее, воплощаясь в различные яркие и надолго остающиеся в памяти мероприятия и издательские проекты, — далеко не единственный пример удивительной способности Евгения Петровича улавливать главное в духовном взаимодействии России и Индии самую сердцевину совпадения нравственных ориентиров и ценностей и уже затем, бережно, кропотливо и целенаправленно выстраивать на этом прочном фунда-

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ОДНИМ ИЗ БУДУЩИХ ГЛАВНЫХ ИДЕОЛОГОВ И ПРОПОВЕДНИКОВ МОНАШЕСКОГО ОРДЕНА РАМАКРИШНЫ, СВАМИ РАНГНАТХАНАНДОЙ В ОТДЕЛЕНИИ ОРДЕНА. Нью-Дели, 1956 г.

менте все здание конструктивного взаимодействия. Поражает и другое: несмотря на широчайший диапазон научных интересов Евгения Петровича и яркую палитру деловых контактов и связей, которые он устанавливал во время своих поездок в Индию, ему всегда удавалось довести до логического завершения каждое начатое дело, превратить в блестящий проект каждую, кому-то, быть может, казавшуюся случайной, встречу. Излишне говорить, что за всеми этими мимолетными общениями на том или ином мероприятии всегда следовали глубокие и новаторские творческие изыскания.

Одним из наглядных примеров такого отношения к исследуемому предмету может служить тагоровская тематика в деятельности и творчестве Евгения Петровича.

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ ПРЕПОДНОСИТ ПРЕЗИДЕНТУ ИНДИИ С. РАДХАКРИШНАНУ БРОНЗОВУЮ МЕДАЛЬ Р. ТАГОРА, ВЫПУЩЕННУЮ В СССР, И ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ЕГО 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ. ДОМ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В НЬЮ-ДЕЛИ, НА МЕЖДУНАРОДНОМ СИМПОЗИУМЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ЭТОЙ ПАМЯТНОЙ ДАТЕ. 1961 г.

Празднование 100-летия со дня рождения Тагора в 1961 году стало важным событием в истории российско-индийских культурных связей. К тому времени с творчеством этого великого индийского писателя в нашей стране были знакомы уже достаточно хорошо — его книги были изданы на русском и других языках народов СССР тиражом свыше восьми миллионов экземпляров. Над собранием избранных произведений Тагора, вышедшим в свет в 1955–1957 гг., трудились наши замечательные переводчики и индологи — Вера Новикова, Евгения Быкова, Александр Гнатюк-Данильчук, Мария Кафитина.

Главные торжества, посвященные юбилею гения индийской и мировой литературы, состоялись в Москве в Большом театре. Открывая это памятное мероприятие, известный поэт и общественный деятель Николай Тихонов подчеркнул значение его творчества для набравшего тогда силу советско-индийского сотрудничества в развитии движения солидарности писателей стран Азии и Африки. Кроме того, что особенно важно, Тихонов сформулировал программу изучения и популяризации творчества писателя, обратив особое внимание на необходимость издания нового 12-ти томного собрания его сочинений.

Евгений Петрович, как секретарь Юбилейного комитета по празднованию 100-летия Тагора и руководитель индологического сектора филологии в Институте востоковедения, занялся организационной подготовкой этого издания. Большой удачей можно считать, что ему удалось вовлечь в орбиту этой деятельности Бориса Пастернака и Анну Ахматову. Новое собрание сочинений Тагора вышло в свет в 1961–1965 годах.

В августе того же года в Дели состоялся международный симпозиум, посвященный памятной дате. Руководителем советской делегации на юбилейных торжествах был известный писатель Всеволод Иванов. В состав советской делегации на симпозиуме входили также М. Ауэзов, М. Турсун-заде и Илья Эренбург. В ходе работы этого форума Евгений Петрович познакомился с выдающимся философом и политическим деятелем Индии Радхакришнаном, бывшим тогда вице-президентом страны, и выдающимся писателем и общественным деятелем Хумаяюном Кабиром, ставшим вскоре министром культуры.

«После завершения мероприятия, — вспоминает академик Чельшев, — по приглашению Хумаяюна Кабира я отправился на родину юбиляра — в Калькутту, конечно посетил находящееся неподалеку его родовое имение Шинтиникетан и основанный им университет, где встречался с преподавателями, его учениками и соратниками, выступал перед студентами». Более того, в этой «Ясной Поляне» Индии он выступил с лекцией, посвященной анализу его эстетических взглядов. Выступить в юбилейный год великого индийского писателя на его родине и в созданном им университете было, несомненно, большой честью.

По образному выражению Евгения Петровича, «времен связующая нить» на этом не оборвалась: 30 лет спустя после этих памятных мероприятий, в 1991 году, во многом благодаря его усилиям, в России вновь отдавали дань памяти великому индийскому писателю. В парке Дружбы на Ленинградском проспекте, напротив Химкинского речного вокзала состоялось торжественное открытие памятника искреннему другу нашей страны. В церемонии приняли участие министр иностранных дел Индии Индер Кумар Гуджрал

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА РАБИНДРАНАТУ ТАГОРУ. Москва, 1991 г.

с супругой, секретарь Союза писателей СССР В. В. Карпов, секретарь Союза художников СССР Т. Т. Салахов. В свойственной ему манере Евгений Петрович выступил перед собравшимися с яркой и содержательной речью.

Неизгладимый след в творческой биографии Евгения Петровича и его академических трудах оставила его первая встреча с пакистанским классиком поэзии на языке урду Файзом Ахмад Файзом. Как и многие его плодотворные литературные и личные контакты, которые он затем настойчиво и целеустремленно развивал на протяжении многих десятилетий, воплощая в творческие проекты

ВСТРЕЧА Е. П. ЧЕЛЫШЕВА С ИЗВЕСТНЫМ ПОЭТОМ УРДУ ФАЙЗОМ АХМАТ ФАЙЗОМ В АЛМА-АТЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ. Алма-Ата, 1973 г.

и памятные мероприятия, она состоялась, теперь уже можно сказать, очень давно — в Ташкенте осенью 1958 года, на Первой конференции писателей стран Азии и Африки.

К тому времени Евгений Петрович уже был хорошо знаком с творчеством известного поэта: в 1956 и 1958 годах в Москве и Ташкенте под его редакцией и с предисловиями вышли в свет произведения пакистанского классика в переводе на русский язык.

«Работа конференции прошла на редкость успешно и плодотворно. Файз целиком отдавал себя, все свои силы, весь свой талант, все организаторские способности движению афро-азиатских писателей, — вспоминает Евгений Петрович. — Он считал его своим кровным делом, радовался его успехам, огорчался неудачам, всеми силами старался преодолевать трудности, возникавшие на его пути». Более того, само по себе зарождение и развитие движения афро-азиатских писателей неразрывно связано с именем пакистанского классика, в чем убежден академик Челышев. Оно же, в свою очередь, «...оказало влияние на Файза, способствовало его превращению в поэта-борца, поэта-трибуна, расширило горизонты его поэтического видения мира, наполнило его творчество идеями интернационализма».

В 1963 году Файзу была присуждена Международная Ленинская премия мира. Евгению Петровичу довелось присутствовать на церемонии вручения ему этой высокой награды в Георгиевском зале Кремлевского дворца, а также выступать, приветствуя и поздравляя лауреата от имени советских ученых.

С тех пор друзья и коллеги не раз встречались во время визитов Файза в нашу страну. С особой теплотой Евгений Петрович

вспоминает пикник, который организовал старый друг и однокашник Файза — посол Пакистана в СССР Икбал Атхар летом 1965 года, когда известный поэт вместе с супругой Элис Файз лечился и отдыхал в одном из подмосковных санаториев.

«С большим интересом слушал я тогда беседу старых друзей, вспоминая молодость, студенческие годы. Файз читал тогда свои новые стихи. Я разговаривал с его супругой, умной, интеллигентной женщиной, любовь к которой известный поэт пронес через всю свою жизнь».

Поистине историческим стало выступление Файза осенью 1983 года на конференции афро-азиатских писателей в Ташкенте, посвященной 25-летию юбилею этого движения. «С присущей ему прямоотой, откровенностью и честностью он говорил о нерешенных вопросах, о сложностях и трудностях, возникающих на его пути, критически оценил деятельность руководства и различных звеньев этого движения, выдвинул конкретную программу действий. Это выступление Файза, — говорит Евгений Петрович, — можно рассматривать как его завещание, как наказ соратникам, товарищам по оружию искать такие формы работы, которые соответствовали бы общественно-политической обстановке в мире, привлекать в свои ряды новые силы...»

Уникальная полифоничность всегда была свойственна творческому поиску и организаторскому таланту академика Чельшева: ему удалось очень продуктивно разрабатывать и претворять в жизнь одновременно несколько различных научных проектов, поддерживать интересные знакомства и реализовывать этот потенциал в плодотворных и перспективных практических мероприятиях.

ФАЙЗ АХМАТ ФАЙЗ В ПОДМОСКОВЬЕ. 1964 г.

Еще одним характерным примером такой научной и жизненной позиции могут служить его многолетние, дружеские и плодотворные связи с известным индийским поэтом Хариванша Раем Баччаном.

«Впервые я прочел его стихи в начале 50-х годов, — рассказывает Евгений Петрович. — В то время я составлял и готовил к изданию первый сборник поэтов хинди и урду, который вышел в свет в Москве в 1956 году под названием «Стихи индийских поэтов». Это была одна из немногих книг, которую мы издали к конференции писателей стран Азии и Африки. Идея его выпуска принадлежала Николаю Тихонову».

Эту книгу, вспоминает Евгений Петрович, издавать было очень трудно. В те годы советские индологи только начинали заниматься изучением индийской литературы, а советско-индийский литературный обмен находился тогда лишь в зачаточном состоянии. Из всех советских филологов лишь Евгению Петровичу к тому времени удалось побывать в Индии и познакомиться воочию с этой страной. Проконсультироваться с индийцами также не было никакой возможности — они приехали в Москву для работы в издательстве «Прогресс» лишь во второй половине 50-х годов. Поэтому, как вспоминает Евгений Петрович, «...мы должны были на свой страх и риск определять имена индийских поэтов, не имея всех их произведений, решать, что является наиболее значительным в их творчестве... Приходится только удивляться, как, несмотря на все эти трудности, нам удалось подготовить книгу, в целом довольно правильно представляющую общую картину поэзии хинди и урду».

Переводчики и составители сборника работали с большим творческим подъемом и энтузиазмом. Они открывали для себя новый, сказочный и волшебный мир восточной поэзии. Особенно запомнились стихи Баччана — они покорили молодых советских ин-

дологов необыкновенной музыкальностью, совершенством формы, яркой романтической образностью. Было очевидно, как вспоминает Евгений Петрович, что они принадлежат перу большого мастера.

Лучшему пониманию творчества Баччана помогли Евгению Петровичу встречи и общение с этим замечательным поэтом. Первая состоялась в Дели в 1957 году в дни работы IX генеральной конференции ЮНЕСКО. Молодой советский индолог и маститый литератор общались в только что построенном в столице Индии Дворце науки. Баччан с большим интересом рассматривал недавно вышедшую в Советском Союзе антологию индийской поэзии, в которую были включены его произведения, задавал много вопросов о том, как готовилась к публикации эта книга, просил прочитать на русском языке свои стихотворения и внимательно прислушивался к звукам незнакомого ему языка.

«С тех пор я не раз бывал в гостях у Баччана, — вспоминает Евгений Петрович, — познакомился с его очаровательной супругой Теджи, сыном Амитабхом». Тогда, конечно же, трудно было предположить, что этот маленький мальчик станет со временем замечательным артистом и кумиром индийского кинематографа, а кроме того, политическим деятелем и членом Парламента Индии, пойдя по стопам отца».

В 1967 году в составе группы индийских писателей — лауреатов премии им. Дж. Неру, Баччан впервые посетил Советский Союз. После поездки он обобщил свои впечатления в цикле стихов о нашей стране, которую он увидел глазами доброго друга.

«Во время пребывания в нашей стране, — рассказывает Евгений Петрович, — Баччан был у меня в гостях. Никогда мне

не забыть тот вечер, который мой старый друг и коллега провел в кругу моей семьи и друзей. Беседа затянулась до позднего вечера. Он читал свои стихи, мы рассказывали ему о нашей работе, о нашей стране, отвечали на его многочисленные вопросы».

Осенью 1970 года Евгению Петровичу довелось встретиться с Баччаном на четвертой конференции писателей стран Азии и Африки в Дели. На ее заключительном заседании было объявлено о присуждении премии «Лотос» группе писателей, внесших весомый вклад в развитие литературы своих стран, в укрепление взаимопонимания и доверия между народами. Почетные премии вручала премьер-министр Индии Индира Ганди.

Посчастливилось пообщаться еще раз: это случилось в 1973 году на пятой конференции этой авторитетной международной литературной организации. Евгению Петровичу запомнилось яркое выступление индийского поэта и общественного деятеля. Это была речь поэта-гражданина, озабоченного судьбами мира, думающего о путях развития литературы, призванной служить человечеству и обществу.

После этого общаться лично уже не довелось, хотя творческое взаимодействие все равно продолжалось. «Вместе с Баччаном и небольшой группой индийских литераторов мы подготовили «Хрестоматию дружбы», которая вышла в свет в 1987 году в Москве в издательстве «Радуга» под названием «Весть» и на английском и хинди в делийском издательстве «Раджпал энд санз».

... За долгие годы «индийской одиссеи» Евгения Петровича было много ярких событий, много памятных и интересных встреч, незабываемых впечатлений. Очень трудно, практически не-

**ВСТРЕЧА Е. П. ЧЕЛЫШЕВА С Х. Р. БАЧЧАНОМ
НА КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ. Алма-Ата, 1973 г.**

возможно, уместить в формат небольшой публикации всю палитру научных, литературных и общественных контактов Евгения Петровича с Индией.

Но есть еще один момент, о котором нельзя не сказать особо. Об этом, кстати сказать, хорошо пишет его коллега и единомышленник Анис Вафа.

«Хороший человек — не специальность, считает его соратник. — Но большое достоинство для профессионала. А талант? Это нужно для профессии? Можно встретить такое определение — «по-русски широко талантлив». Не будем спорить, можно

СЕМЕЙНЫЙ АНСАМБЛЬ ПОД РУКОВОДСТВОМ Е. П. ЧЕЛЫШЕВА. СТАРШИЙ СЫН ВЛАДИМИР С ЖЕНОЙ (ПЕРВОЙ) ЛЮДМИЛОЙ, МЛАДШИЙ СЫН ДМИТРИЙ, ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ СУПРУГИ Е. П. ЧЕЛЫШЕВА АЛЬБЕРТ КУУЗ

ли быть широко талантливым только по-русски. Бесспорно, что Евгений Петрович широко талантлив именно по-русски. У него чудовищная память. Например, он держит в голове если не всю, то значительную часть русской поэзии. Он помнит и цитирует на языке оригинала индийских, немецких, английских поэтов. Сам писал стихи и публиковался в фронтовых газетах. У него прекрасный голос, вообще музыкальные способности. Он играет на аккордеоне, банджо, балалайке, гитаре, фортепиано, на ударных. Знает и поет частушки и русские народные песни, арии из опер, романсы. Вертинского поет так, как сейчас уже никто не поет. Поет на языке оригинала индийские песни».

Действительно, музыкальная составляющая в творческой биографии Евгения Петровича, особенно рельефно проявившаяся в процессе его долгих и плодотворных «хождений в Индию», всегда играла очень важную и одухотворяющую роль во всем его научном творчестве и практической деятельности.

Истоки его увлеченности индийской популярной, народной и классической музыкой уходят своими корнями в середину пятидесятых годов прошлого столетия, когда будущий академик впервые соприкоснулся с Индией, получил возможность воочию воспринять и прочувствовать ее культуру, традиции и обычаи.

О том, как звучала в 1955 году легендарная песня талантливого индийского поэта Према Дхавана «Милке чало» («Вперед, тесней ряды!») на конференции стран Азии по ослаблению напряженности в международных отношениях, мы уже рассказывали.

Важно другое. Как это случилось не раз, Евгению Петровичу удалось продолжить и творчески развить связи с этим замечательным индийским поэтом. Первая личная встреча с ним состоялась двумя годами позже, в 1957 году на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве.

«В дни фестиваля, — вспоминает Евгений Петрович, — мы часто встречались и бродили по улицам Москвы, вели долгие беседы». Индийский коллега много рассказывал о том, с какими трудностями и лишениями пришлось столкнуться индийцам в период борьбы против колониальной зависимости, какую колоссальную роль в формировании самосознания индийского народа всегда играл народный фольклор, слагаемые веками песни и мелодии, исполненные глубокой мудрости и чувством национального достоинства.

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ С ПОЭТОМ ПРЕМ ДХАВАНОМ. Бомбей, 1983 г.

Молодой советский индолог рассказывал о работе по переводу стихов индийского поэта на русский язык, задавал много вопросов, связанных с тонкостью трактовки тех или иных терминов.

Интересно, что пребывание Прем Дхавана в Москве в тот год совпало с окончанием работы над популярным советско-индийским кинофильмом «Хождение за три моря» по дневниковым записям тверского купца Афанасия Никитина.

«Прему Дхавану было поручено написать текст песен к этому кинофильму, — рассказывает Евгений Петрович. — Особенно удалась молодому поэту песня индийского друга Афанасия Никитина — странствующего поэта и певца. Слова этой песни «...любите друг друга, на земле нет чужих», перекликаются с гу-

манистическими идеями творчества великого индийского поэта Кабира, утверждавшего идеи дружбы и взаимопонимания между народами».

Любовь к музыкальной культуре и вокалу, которую Евгений Петрович впитал в себя с самого раннего детства, уникальным образом реализовалась и ярко расцвела в еще одной встрече на индийской земле — весной 1978 года ему довелось пообщаться в Калькутте с Рума Гухой Тхакуртой — известной индийской киноактрисой, снявшейся в более чем 60 фильмах, лауреатом многих индийских и международных музыкальных конкурсов и руководителем молодежного калькуттского ансамбля, пользовавшегося в те годы широкой популярностью в Индии и за рубежом.

«Потребность в массовой политической песне, — поясняет Евгений Петрович, — стала особенно остро ощущаться в первые годы независимого развития Индии. Ни один митинг, ни одно собрание не обходилось без вокального выступления. Один за другим рождались в стране любительские хоровые коллективы. Многие ведущие поэты и композиторы, чутко улавливая набирающую силу музыкальную тенденцию, стали активно работать в этом популярном жанре. Легендарный индийский кинорежиссер Сатъяджит Рэй, с которым Рума Гуха Тхакурта активно сотрудничала в кино, стал инициатором создания этого ансамбля. Это случилось в 1958 году».

Общеиндийское признание коллектив получил в 1972 году, когда по приглашению премьер-министра Индии Индиры Ганди он выступил на масштабном фестивале индийского искусства, посвя-

**Е. П. ЧЕЛЫШЕВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ГОСПОЖУ РУМУ ГУХУ ТХАКУРТУ
НА КОНЦЕРТЕ ЕЕ АНСАМБЛЯ В ДОМЕ ДРУЖБЫ. Москва. 1978 г.**

щенного дню Республики. Затем последовали триумфальные выступления в Копенгагене, Бангладеш, Шри Ланке, США и в Англии.

И, наконец, исполнилось сокровенное желание руководителя ансамбля — самодеятельные артисты приехали в Москву, где с большим успехом выступили в 1978 году на индийской выставке, развернутой на территории ВДНХ. Тогда москвичи и гости столицы впервые получили возможность познакомиться с индийской массовой политической песней. После этого вокалисты дали концерт в Доме дружбы с народами зарубежных стран, на котором от имени Общества советско-индийской дружбы их тепло приветствовал Евгений Петрович.

«В общественно-политической биографии Е. П. Чельшева, в летописи его служения великому делу дружбы народов России и Индии особое место занимает активная, целеустремленная и результативная деятельность, направленная на создание и развитие Общества советско-индийской дружбы», — совершенно справедливо отмечает ближайший друг и соратник Евгения Петровича, известный советский и российский востоковед, трагически рано ушедший из жизни Григорий Львович Бондаревский.

«Уже к началу 60-х годов, — пишет он в своих воспоминаниях о Евгении Петровиче Чельшеве, — самым значительным субъектом Союза Советских обществ дружбы (созданного в 1958 году на базе Всесоюзного общества культурной связи с заграницей — ВОКС) стало Общество Советско-индийской дружбы, вице-президентом которого в 1964 году стал Е. П. Чельшев. По поручению правительства и руководства этой организации он провел большую работу по изучению состояния культурных связей нашей страны

с Индией, по подготовке решения о создании крупных советских культурных центров в Дели, Калькутте, Мадрасе и Бомбее. Возникли и актуальные вопросы установления партнерских отношений с Индийско-советским обществом культурных связей. Эта проблема широко обсуждалась на конференции «За дружбу с Россией», которая была проведена в Ориссе в 1966 году. Советскую делегацию возглавлял Е. П. Чельшев».

Таким образом, можно вполне согласиться с мнением Григория Бондаревского и без всякого преувеличения сказать, что Евгений Петрович не только стоял у истоков широкого общественного движения за укрепление и расширение дружественных связей с Индией, разумеется всемерно поддерживаемого на государственном уровне, но также на протяжении многих десятков лет со времени основания российских культурных центров в этой стране самым деятельным образом участвовал в их работе — принимал участие в проводимых на этих площадках симпозиумах, научных форумах и конференциях, активно и деятельно помогал в организации на их базе культурно-массовых мероприятий с участием советских творческих коллективов.

Какое-то время после распада Советского Союза в начале 90-х годов это массовое движение, зиждущееся, в основном, на эмоциональной составляющей, продолжало по инерции существовать, даже будучи лишенным государственной поддержки. Так, в 1992 году в России возникло Международное общество культурных связей России с Индией, президентом которого единогласно был избран Евгений Петрович Чельшев. Однако сама по себе идея, заложенная в основу существования этих обществ, с переходом

российско-индийских отношений в более прагматичное русло, очевидно, исчерпала себя, и деятельность этих объединений как в России, так и в Индии вскоре фактически прекратилась.

Но она, безусловно, оставила глубокий след в истории российско-индийских отношений, переживавших в 60–70-ые годы период небывалого расцвета, можно сказать, свою «золотую эру». В том, что это было именно так, состоит немалая заслуга Евгения Петровича Чельшева.

«Многочисленные посещения Индии, — рассказывает о тех временах профессор Григорий Бондаревский, — выступления на крупных общеиндийских и международных форумах, посвященных юбилеям корифеев индийской культуры, активное участие в сессиях Комитета защиты мира, движения стран Азии и Африки, конференциях ЮНЕСКО — все это не только способствовало установлению Е. П. Чельшевым связей с широкими кругами индийской общественности, но и позволило установить контакты с выдающимися лидерами Индии — Джавахарлалом Неру, Индирой Ганди, Радживом Ганди, Лал Бахадуром Шастри, президентом страны Радхакришнаном, Закиром Хусейном, Венкатараманом, с руководителями политических партий, влиятельными членами парламента.

Все это позволило профессору Чельшеву глубоко разобратся в политической и общественной жизни Индии, разъяснять на самом высоком уровне различные аспекты внешней и внутренней политики Советского Союза, а по возвращении в Москву — с убежденностью, основанной на глубоком знании индийских реалий, вносить обоснованные рекомендации по многим аспектам индийской политики Советского Союза».

**ПРЕМЬЕР МИНИСТР ИНДИИ Г-ЖА ИНДИРА ГАНДИ ВРУЧАЕТ
Е. П. ЧЕЛЫШЕВУ ПРЕМИЮ ИМ. ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ ЗА 1967 Г.
Нью-Дели, 1968 г.**

**ПРЕМЬЕР МИНИСТР ИНДИИ Г-ЖА ИНДИРА ГАНДИ ПОЗДРАВЛЯЕТ
СУПРУГУ ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВИЧА ПО СЛУЧАЮ ПРИСУЖДЕНИЯ ЕМУ ПРЕМИИ
ИМ. ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ. Нью-Дели, ноябрь 1968 г.**

Вклад Евгения Петровича в дело укрепления дружбы и взаимопонимания между двумя странами был по достоинству оценен: в 1967 году, когда по решению правительств обеих стран была учреждена премия им. Дж. Неру, Евгений Петрович оказался одним из первых лауреатов этой престижной награды.

Профессор Григорий Бондаревский вспоминает, как ему «...довелось присутствовать в Дели на торжественном собрании, посвященном первым лауреатам, и слышать, с какой теплотой поздравляла Индира Ганди профессора Е. П. Чельшева».

Организационно-общественную работу по линии Общества дружбы Евгению Петровичу всегда удавалось сочетать с всемерным расширением научных связей с Индией.

Так, в 1975 году он возглавил советскую делегацию на международной конференции по проблемам языка хинди в Нагпуре. О значении, которое придавалось в Индии этому международному форуму, очевидно свидетельствует присутствие на нем премьер-министра страны Индиры Ганди. В 1977 году он возглавлял советскую делегацию на делийской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения великого индийского поэта Мухаммеда Икбала, в 1981 году Евгений Петрович вместе с профессором Григорием Бангард-Левиным принял активное участие в работе Международного конгресса санскритологов в Бенарасе.

В 1982 году, уже после избрания членом-корреспондентом АН СССР, Евгений Петрович по поручению Президиума АН СССР предпринял в сопровождении группы специалистов продолжительную поездку по Индии с целью детально проанали-

зировать работу советских практических организаций в Индии и оценить эффективность ее воздействия на массовую аудиторию страны, сопоставив его с влиянием на общественное мнение страны западных информационно-культурных центров. Итогом этого визита стала аналитическая записка «Сравнительный анализ воздействия буржуазной и социалистической пропаганды на общественное мнение Индии». Излишне говорить, что этот документ был неоднозначно воспринят руководством тех организаций, которые были подвергнуты в нем справедливой критике. Решительного прорыва на этом направлении работы, конечно же, не произошло. Привычка работать в соответствии с давно устаревшими нормами и стереотипами все равно сохранилась и продолжает процветать и по сей день. Но эта правдивая и объективная информация все равно не была бесполезной — она была подобна глотку свежего воздуха в душной атмосфере застоя и рутины, первым тревожным звонком, который, хотелось бы надеется, со временем будет услышан и послужит, наконец, стимулом пересмотра самой концепции научных и культурных связей с Индией.

В сложные для нашей страны 90-ые годы деятельность Евгения Петровича, направленная на расширение и укрепление российско-индийских гуманитарных связей, не пресеклась. По его инициативе в Комитете по международным отношениям Верховного Совета состоялись слушания о российско-индийских отношениях, по итогам которых МИДУ было рекомендовано принять все необходимые меры для всемерного улучшения и укрепления связей с Индией.

В декабре 1995 года в Дели на правительственном уровне состоялась российско-индийская конференция, посвященная обмену опытом в региональном и национальном строительстве. С обеих сторон делегации возглавлялись вице-премьерами. Заместителем руководителя российской делегации, в которую входили крупные ученые, был академик Челышев.

Многолетняя и неустанная деятельность Евгения Петровича на ниве укрепления и расширения российско-индийских гуманитарных и научных связей снискала ему любовь и уважение в широких кругах индийской общественности и была по достоинству оценена на государственном уровне.

За личный вклад в развитие культурных и научных связей с Индией в 2002 году он был удостоен одной из высших государственных наград Индии — Падма Бхушан (орден Лотоса).

По достоинству его многолетний труд был оценен Национальной литературной академией Индии — Сахитья Академи. В украшенном цветами и красочными транспарантами актовом зале Дворца науки в Нью-Дели 1 ноября 2004 года диплом почетного члена этого престижного учреждения ему вручил премьер-министр Индии д-р Манмохан Сингх. Символично, что в год, когда это престижное научное учреждение Индии отмечало свое пятидесятилетие, первым ее почетным иностранным членом стал именно Евгений Петрович.

АКАДЕМИЯ НАУК

Начиная с конца 80-х годов прошлого столетия траектория академической и общественной деятельности Евгения Петровича претерпела серьезные качественные трансформации. Сначала в 1982 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а затем, 21 февраля 1987 года — действительным членом АН СССР. 21 июня 1988 года на общем собрании Отделения литературы и языка его избрали академиком-секретарем этого академического подразделения и членом Президиума Академии.

Но Индия, эта страна, изучению которой Евгений Петрович посвятил столько лет жизни, и для развития культурных и гуманитарных отношений с которой он приложил столько сил и душевной энергии, все равно навсегда осталась в сердце академика.

Как совершенно справедливо замечает его ближайший коллега и соратник Анис Вафа, «темы и проблематика взаимосвязи культур России и Индии, России и Востока, всегда были для него среди наиболее важных и значительных. Вообще «русские мотивы», «русская тема» очень характерны для востоковедного творчества Е. П. Чельшева. Поэтому, наверное, никто особенно не удивился, когда в пору перемен и потрясений конца 80–90-х гг. прошлого века ученый непосредственно обратился к проблемам русской культуры».

И далее, в своих воспоминаниях он также с полным основанием утверждает, что «...с инициативами, концепциями, неисся-

каемой энергетикой Евгения Петровича связаны многочисленные научные конференции; федеральные, академические, международные издания журналов научных и научно-популярных серий. Назову некоторые из них: дискуссии о традициях и новаторстве,

**ПРЕЗИДЕНТ АН СССР Г. И. МАРЧУК ПОЗДРАВЛЯЕТ Е. П. ЧЕЛЫШЕВА
С ИЗБРАНИЕМ ЕГО АКАДЕМИКОМ-СЕКРЕТАРЕМ ОЛЯ. 1988 г.**

**ПРЕЗИДЕНТ РАН Ю. С. ОСИПОВ БЕСЕДУЕТ С АКАДЕМИКАМИ
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ И Е. П. ЧЕЛЫШЕВЫМ**

реализме, романтизме, модернизме, просветительстве, «литературе социалистической ориентации», об эволюции эстетической мысли, роли религии и идеологии в литературе стран Азии и Африки. Итоги этих дискуссий нашли отражение в многотомной «Истории всемирной литературы», сериях «Истории литератур Востока» и «Писатели и ученые Востока».

Дискуссии, конгрессы, конференции и обсуждения, связанные с реализацией академических и федеральных программ, подытожены в коллективных трудах — «Образ России. Русская культура в мировом контексте», «Культурное и природное наследие Москвы», двухтомнике «Культурное наследие российской эмигра-

ции», «Пушкин в странах зарубежного Востока», «Творчество Пушкина и зарубежный Восток», «Пушкин и мир Востока», «Решение национально-языковых вопросов в современном мире». Евгений Петрович активно содействовал контактам, встречам, многообразным общественным акциям, общим творческим начинаниям отечественных и зарубежных деятелей культуры и науки. Его активность на этом поприще поразительна. Страны называть не буду, только континенты — Азия, Африка, Америка, Европа. В Индии он бывал сорок раз. Издавал там свои книги, постоянно публиковался в газетах и журналах; индийцы с ним соглашались, спорили, считали, можно полагать, полноправным участником индийского литературного и культурного процесса».

... Хотя Евгений Петрович к тому времени более тридцати лет проработал в Институте востоковедения АН СССР, с деятельностью Отделения литературы и языка Академии и входящих в его состав

**ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ТВОРЧЕСТВУ
В. В. МАЯКОВСКОГО В ИНДИИ. СЛЕВА
ПОСОЛ ИНДИИ В СССР Г-Н НУРУЛ ХАСАН**

ПАТРИАРХ ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ II ПОЗДРАВЛЯЕТ Е. П. ЧЕЛЫШЕВА С 80-ЛЕТИЕМ

институтов он был знаком очень хорошо: почти сорок лет он поддерживал тесные научные связи с Институтом мировой литературы имени Горького и более двадцати лет сотрудничал с Институтом русской литературы — так называемым Пушкинским домом.

Со свойственной ему энергией и энтузиазмом вновь назначенный академик-секретарь включился в научно-организаторскую работу. Последовали встречи и порой достаточно острые обсуждения в научных коллективах. Евгений Петрович требовал объективно оценить состояние развития отечественной филологической науки в целом и наметить перспективы ее развития, инициировал дискуссии, имеющие целью переосмыслить многие устаревшие представления и оценки в свете современных тенденций развития мирового литературного процесса.

«Будучи востоковедом по образованию и опыту работы, Евгений Петрович сумел быстро войти в проблематику институтов Отделения, освоить менее знакомые ему аспекты многогранной деятельности Отделения», — рассказывает советский и российский лингвист-иранист, академик РАН, доктор филологических наук, профессор Михаил Боголюбов. Цикл работ академика о русском языке пользовался заслуженным авторитетом у научных сотрудников институтов. Эти работы отражают его деятельность как заместителя председателя Совета по русскому языку при правительстве РФ. Некоторые из них, прежде всего полемического характера, печатались в различных СМИ. Особо важное значение имеет его статья «Русский язык как государственный язык Российской

ПОСОЛ ИНДИИ К. РАГХУНАТХ ПОЗДРАВЛЯЕТ Е. П. ЧЕЛЫШЕВА С 80-ЛЕТИЕМ

ВЫСТУПЛЕНИЕ Е. П. ЧЕЛЫШЕВА НА КНИЖНОЙ ЯРМАРКЕ.
СПРАВА — Н. Н. СКАТОВ, В. И. ВАСИЛЬЕВ. Москва, 2001 г.

Федерации», которая неоднократно перепечатывалась у нас в разное время и в разных изданиях... Не менее важное методологическое и теоретическое значение имеет его предисловие, емкое по форме и глубокое по содержанию, к первому тому трехтомника «Решение национально-языковых вопросов в современном мире», вышедшему в свет в 2003 году.

Впервые о будущем и задачах Отделения литературы и языка только что воссозданной Российской академии наук Е. П. Чельшев говорил на Общем собрании РАН в 1993 году, собравшемся в Доме ученых в Москве, посвященном 250-летию со дня рождения княгини Екатерины Романовны Дашковой, назначенной Императрицей Екатериной II президентом Российской Академии, уделявшей изучению русского языка и литературы главное внимание.

Вновь избранный академик-секретарь филологического отделения РАН подчеркивал, что задача наших филологов-русистов состоит в том, чтобы совершенствовать традиции отечественной филологической науки. Многие годы Евгений Петрович продолжает заниматься Дашковской темой, являясь научным руководителем Московского гуманитарного института имени Дашковой, где успешно работает Международное Дашковское общество.

Чельшеву пришлось предпринять немало усилий для обновления состава Отделения, создания творческой обстановки в Отделении и работающих в его составе институтах. Он всячески способствовал избранию в Академию таких талантливых ученых, как В. Н. Топоров, А. М. Панченко, Ю. Д. Апресян, А. А. Зализняк, М. Л. Гаспаров, Н. Д. Арутюнова, Д. В. Сарабьянов, С. С. Аверинцев, позже — А. И. Солженицын, В. А. Дыбо, Т. М. Николаева,

В.В. Иванов, Ю.Л. Воротников и многих других. Как академик-секретарь Е.П. Чельшев всячески содействовал изданию фундаментальных научных трудов по широкому кругу вопросов филологической науки, стремился поддерживать талантливых молодых ученых через различные фонды, комиссии и другие организации, созданные для этой цели в РАН и за ее пределами.

Оживлению работы в Отделении способствовало выдвижение междисциплинарной программы «Культурное наследие российской эмиграции», нацеленной на изучение отторгнутого от России творчества русских ученых, писателей, деятелей культуры, политических и военных деятелей, вынужденных эмигрировать после революции. Решением президиума в рамках Академии была создана специальная комиссия под руководством Е.П. Чельшева, занимавшаяся изучением наследия российской эмиграции. Он руководил составлением и реализацией научных программ I Конгресса соотечественников, состоявшегося в Москве в 1991 г. и II Конгресса, состоявшегося в С.-Петербурге в 1992 г. Е.П. Чельшев был председателем оргкомитета международной научной конференции «Культурное наследие российской эмиграции», собравшейся в РАН в 1993 г. По итогам конференции в 1994 г. под редакцией Е.П. Чельшева и князя Д.М. Шаховского вышел двухтомный научный труд «Культурное наследие российской эмиграции». Этот труд Е.П. Чельшев представлял на собраниях русских эмигрантов, иностранных ученых и общественно-политических деятелей в Париже и Нью-Йорке. Избранные работы Е.П. Чельшева по этой теме представлены в книге «Российская эмиграция: 1920–30-е годы».

В ГОСТЯХ У ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИНДИИ Р. ГАНДИ. 1991 г.

В 1991 г. Е.П. Чельшев заключил соглашение с Институтом перевода Библии в Стокгольме. Развернулась работа по переводу Евангелия на языки народов России, по его инициативе в РАН прошли две международные конференции «Перевод Библии. Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты». Под таким же названием в 1996 г. был издан тематический сборник. В рамках другой программы «Русская культура в мировом контексте» в 1998 г. под его руководством и с его предисловием вышел

**НА ПРИЕМЕ У РЕКТОРА СТАМБУЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРОФЕССОРА ДЖАБИЛДЕЯ, 1992 г.**

коллективный труд «Образ России», заложивший основу серийных изданий по проблеме «Россия в мировом контексте».

Всех плодотворных и полезных дискуссий на многих направлениях развития отечественной филологии, которые состоялись по инициативе Евгения Петровича, в рамках этого краткого изложения перечислить невозможно. Но нельзя не вспомнить его настоячивые призывы к взвешенному, объективному, а не конъюнктурному подходу к творчеству Максима Горького, с которыми он обращался к академической общественности на различных конференциях и симпозиумах, его принципиальную и научно выверенную оценку творчества Владимира Маяковского, которая прозвучала

начала на международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения советского поэта.

Итогом этой научно-организационной работы стал двухтомный труд «История советской литературы: новый взгляд», вышедший в свет в 1990 году.

Большое внимание вновь избранный академик-секретарь уделял проблемам русского языка. Организацией обсуждений этой важной проблемы занимался его заместитель, прямой потомок нашего великого предка, граф и академик Никита Ильич Толстой. Его вклад в повышение уровня исследований в области русистики в Академии и за ее пределами трудно переоценить, считает Евгений Петрович.

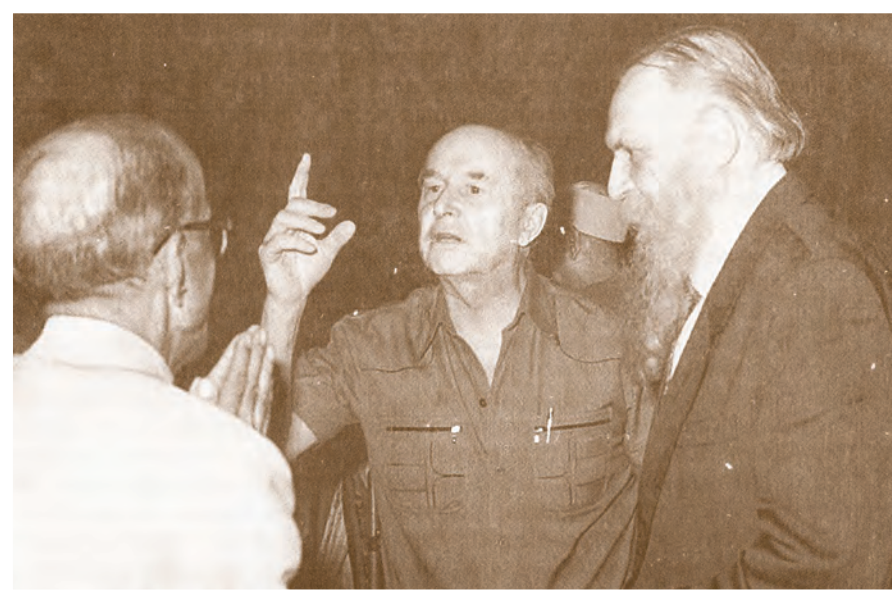
**ВСТРЕЧА С ИЗВЕСТНЫМ ЯПОНСКИМ РУСИСТОМ,
ПРОФЕССОРОМ НАКАМУРА, 1998 г.**

Было немало сделано для того, чтобы остановить негативные процессы, влияющие на современное состояние русского языка, повысить уровень речевой культуры в различных сферах жизни общества, внести необходимые коррективы в преподавание русского языка в средних и высших учебных заведениях России, укрепить престиж русского языка за рубежом и оградить его от дискриминации со стороны националистически настроенных кругов в странах СНГ.

Во многом благодаря деятельности Отделения проблема развития русского языка была признана одним из важнейших приоритетов в культурной политике российского государства. Органом,

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ, Н. И. ТОЛСТОЙ, ПРОФ. КИМ ГИН СЭК. Южная Корея. 1994 г.

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ, Н. И. ТОЛСТОЙ. Индия, 1989 г.

призванным выполнять эти задачи, стал Совет по русскому языку при Правительстве Российской Федерации, созданный 17 января 2000 года.

После учреждения Российской академии наук в 1991 году особое значение приобрела проблема исследования проблем социально-экономической, демографической и культурной жизни народов России, которая стала одной из приоритетных в деятельности Отделения.

Знаковым мероприятием на этой стезе стала конференция «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития», проведенная в Москве 23 мая 1991 года. В ходе работы этого форума были детально проанализированы многие актуальные

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ ПРОВОДИТ ЗАСЕДАНИЕ ОЛЯ

проблемы, связанные с распространением и популяризацией русского языка, а также принято принципиально важное решение об издании журнала «Русский язык».

Уникальным событием в истории отечественной и мировой науки может считаться конгресс соотечественников, который был проведен в Москве в августе 1991 года в очень сложной и напряженной ситуации печально известного путча. В том, что этот конгресс все-таки состоялся, была немалая заслуга председателя специально созданной в рамках Академии комиссии под руководством Евгения Петровича. «Несмотря на крайне обострившуюся в Москве обстановку, ученые оказались на высоте, выполнили свои

научные задачи и свой патриотический долг», — вспоминает эти времена академик.

Важным событием в деятельности Отделения литературы и языка явился прошедший в 1993 году в Братиславе одиннадцатый Международный съезд славистов, в работе которого приняли участие около тысячи ученых из более чем тридцати стран мира. Российская делегация, возглавляемая Никитой Ильичом Толстым, была весьма внушительной — она насчитывала почти сто человек.

«Несмотря на трудности с издательским делом, — вспоминает Евгений Петрович, — наша делегация привезла с собой на съезд изданные в трех томах доклады российских славистов. Сам же съезд стал важным шагом на пути восстановления взаимодей-

ПРАЗДНОВАНИЕ 80-ЛЕТИЯ Е. П. ЧЕЛЫШЕВА В ПОСОЛЬСТВЕ ИНДИИ

ствия ученых из разных стран ближнего и дальнего зарубежья, которое в те годы значительно ослабло».

Одним из приоритетных направлений в деятельности Отделения всегда оставалась пушкинская тематика. В соответствии с распоряжением Президиума РАН на Пушкинский дом было возложено проведение Всесоюзных Пушкинских конференций. Их постоянным вдохновителем стал член-корреспондент РАН М.П. Алексеев. На протяжении нескольких лет, начиная с 1991 года, Пушкинский дом и Пушкинская комиссия РАН проводили традиционные международные конференции, связанные с важными вехами в творчестве великого русского поэта: в Пушкинских Горах в 1991 году, в Твери в 1993 году, в Одессе в 1995 году, Нижнем Новгороде и Болдине в 1997 году, Петербурге, Одессе, Тбилиси и Москве в 1999 году, в Крыму в 2002 году, Великом Новгороде в 2004 году и многие другие.

Большую работу проделало Отделение литературы и языка в связи с подготовкой и проведением 200-летнего юбилея Пушкина. Евгений Петрович был назначен членом Государственной Пушкинской комиссии, в которой он отвечал за издательскую деятельность, а также занимался вопросами, связанными с празднованием юбилея Пушкина за рубежом.

«В этой связи, — вспоминает академик Боголюбов, — заслуживает внимания развернутая по инициативе Чельшева совместно с Библиотекой иностранной литературы и ее директором Е. Ю. Гениевой работа по выявлению и публикации наиболее успешных переводов поэзии Пушкина на английский, немецкий и французский языки». Выпущенный в свет трехтомник получил широкий

ПРАЗДНОВАНИЕ 200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ А. С. ПУШКИНА

Б. Н. ЕЛЬЦИН ВРУЧАЕТ АКАДЕМИКУ Е. П. ЧЕЛЫШЕВУ МЕДАЛЬ ПУШКИНА.
Москва, Кремль, 1999 г.

**ПРЕЗИДЕНТ РФ В. В. ПУТИН ПОЗДРАВЛЯЕТ АКАДЕМИКА Е. П. ЧЕЛЫШЕВА
С 85-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ.** Москва, Кремль, 2006 г.

резонанс у нас и за рубежом. Опираясь на опыт изучения Пушкина в Институте востоковедения, в 1999 г. Чельшев подготовил и издал проблемный коллективный труд с участием российских и иностранных пушкинистов «Пушкин и мир Востока» с его большим предисловием. За свою деятельность в области пушкинистики Е. П. Чельшев был награжден Президентом РФ учрежденной в России медалью Пушкина, имеющей статус правительственной награды.

Далеко не простым делом оказалась реализация решения о подготовке к публикации нового академического издания полного собрания сочинений Пушкина. По ряду объективных и субъективных причин подготовительный этап растянулся на несколько лет. Кардинальным образом разрешила эту запутанную ситуацию специальная комиссия ОЛЯ под руководством академика Чельшева. В итоге проект взяла под свой непосредственный контроль администрация Пушкинского дома и персонально его директор, член-корреспондент Н. Н. Скатов. Он же был назначен председателем обновленной Пушкинской комиссии РАН.

Отделение всемерно поощряло продолжение исследований творчества классиков русской литературы XIX века. Благодаря этому увидели свет многие фундаментальные академические издания, такие, например, как «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского», «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева», «Л. Н. Толстой: источники текста и проблемы поэтики». Большое значение для развития литературоведческой науки имел опубликованный в 1993 году труд «История русской литературы XIX — начала XX веков».

ПРЕМЬЕР МИНИСТР ИНДИИ Д-Р МАНМОХАН СИНГХ ВРУЧАЕТ АКАДЕМИКУ ЧЕЛЫШЕВУ ДИПЛОМ ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА ЛИТЕРАТУРНОЙ АКАДЕМИИ ИНДИИ.
Нью-Дели, Дворец науки, 2004 г.

Значительное внимание уделялось исследованию истории мировой литературы. Под эгидой Института мировой литературы была осуществлена публикация фундаментальной восьмитомной «Истории всемирной литературы», вдохновителем которой был Юрий Борисович Виппер. Главному редактору этого проекта, к сожалению, не суждено было увидеть плоды своего многолетнего труда.

АКАДЕМИК ЧЕЛЫШЕВ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЕМ ВТОРЫМ. Москва. 1999 г.

«Евгений Петрович всегда очень глубоко чувствовал роль традиций прошлого, их великую значимость в преобразовательной деятельности современной России, — говорит Анис Вафа. — Он всегда был чуток к духовно-нравственным сторонам человеческого бытия и даже быта. Вот почему Академия не ошиблась, когда почти четверть века назад поручила ему возглавить совместно с академиком В. Е. Соколовым и затем академиком Г. В. Добровольским научный Совет по изучению и охране культурного и природного наследия при Президиуме Российской академии наук.

Совет был создан в 1992 году. Его задачей стало осуществление координационных, консультативных и информационных функций. От него ожидали создания научной концепции сохранения и изучения культурного и природного наследия, участия в разработке и проведении практических мероприятий, формировании в гражданском сознании уважительного и бережного отношения к нашему наследию. Таким образом, впервые в Академии была создана уникальная структура комплексной направленности, под эгидой которой объединили свои усилия гуманитарии и естествоиспытатели.

На начальном этапе Совет уделял основное внимание разработке проблем, раскрывающих сущность культурного и природного наследия, его роли в жизни современного общества. Разумеется, создавались программы, которые были ориентированы на решение сложных дискуссионных проблем. Первые годы деятельности коллектива пришлось на переломный и противоречивый период начала 90-х годов, когда с особой остро-

той встали вопросы об особенностях исторического пути России, о месте в этом процессе православия и других традиционных религий, об этноконсолидационном потенциале национальной идеи, значении русского и других языков в жизни народа, о роли государственности, о целокупности духовного и природного пространства России.

На рубеже двухтысячного года Совет сосредоточился на создании концепции российской цивилизации и сопряженных с этим проблемами культурного и природного наследия России.

АКАДЕМИК ЧЕЛЫШЕВ С ПРЕЗИДЕНТОМ РАН Ю. С. ОСИПОВЫМ И ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ РАН В. Н. КУДРЯВЦЕВЫМ

Проведенная Советом работа позволила приступить к подготовке уникального фундаментального труда «Цивилизационный путь России: история и современность». В основу этого проекта был положен ряд принципов, которые выделяют его на фоне исследований по данной проблематике и позволяют по-новому осмыслить исторический путь нашей Родины».

О работе этого Совета, в силу многих обстоятельств, теперь приходится говорить уже в прошедшем времени. Но из песни, как говорится, «слова не выкинешь». Поэтому совершенно прав соратник Евгения Петровича, утверждая, что «...в центре десяти последних лет работы Совета была фигура Евгения Петровича

Челышева». Нельзя не согласиться с ним и в том, что «...прошедшие десять лет — это десятилетие подвижнического труда его бесменного сопредседателя».

Полифонизм, свойственный научно-исследовательской работе Евгения Петровича, хорошо известен исследователям его творчества и последователям. На это в очередной раз обращает внимание академик Михаил Боголюбов. «В своей личной научно-исследовательской деятельности, — считает он, — Челышев удачно совмещает занятия востоковедными проблемами и проблемами

АКАДЕМИК ЧЕЛЫШЕВ ВЫСТУПАЕТ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ВРУЧЕНИЮ ПОЧЕТНОГО ДОКТОРА РАН ПРЕЗИДЕНТУ ЛИССАБОНСКОЙ АКАДЕМИИ. Лиссабон, 1996 г.

АКАДЕМИК ЧЕЛЫШЕВ СО СВОИМ ДАВНИМ ДРУГОМ И КОЛЛЕГОЙ, ИЗВЕСТНЫМ ИНДИЙСКИМ ПИСАТЕЛЕМ НАМВАРОМ СИНГХОМ. Нью-Дели, 2004 г.

отечественной культуры. В 1998 г. Е. П. Чельшев опубликовал фундаментальный труд «Времен связующая нить» — итог его научных исследований ключевых вопросов русской культуры в современных и исторических аспектах, в ее взаимодействии с культурами стран Востока и Запада. Теоретические проблемы в нем органически сочетаются с мемориальными материалами, которые являются интересной и полезной иллюстрацией к теоретической постановке

вопроса о концепции человека в литературе. Свою рецензию на книгу «Времен связующая нить» известный востоковед академик Михаил Титаренко назвал «Исповедь русского интеллигента». Название это мне представляется удачным прежде всего потому, что в своих работах Евгений Петрович занимает активную гражданскую позицию, решительно отстаивает государственные, национальные интересы России, критикует тех авторов, кто не жалеет черных красок в освещении прошлого России, особенно советского периода. В разделах мемуарного характера говорится о боевых товарищах на войне, его коллегах, с которыми он вместе трудится на уровне гуманитарной, прежде всего востоковедной науки, участвовал в укреплении дружбы и культурного сотрудничества с зарубежными странами, прежде всего, конечно, с Индией, «в биографиях которых запечатлелось время, чьими трудами и подвигами это время созидалось».

Тема эта является сквозной в научной деятельности академика <...>. За последние годы, сняв с себя полномочия академика-секретаря, он опубликовал в различных изданиях России и Индии статьи, очерки, эссе: о покойном Патриархе Московском и всея Руси Алексии II, об академике Б. Г. Гафурове, в виде большого предисловия «Восточный мудрец» к коллективному труду, посвященному 100-летию со дня рождения ученого; статью о Свами Ранганатхананде, выдающемся теоретике и практике Миссии Рамакришны в Калькутте, в связи со 100-летием со дня его рождения, очерк о Ю. М. Воронцове, известном дипломате, в последние годы являвшемся у нас президентом научно-просветительского центра, занимающегося изучением и популяризацией наследия семьи

Рерихов, эссе «Бородино», в центре повествования которого находится М.Ю. Лермонтов. В эссеистском стиле представлен его доклад на научной конференции, организованной Министерством обороны, посвященной 60-летию Великой Победы «Поклонимся великим тем годам», в центре внимания которого — его боевые друзья и соратники. Все эти материалы и некоторые другие упомянуты в настоящей книге.

О широте научных интересов Евгения Петровича свидетельствует и трехтомное собрание его избранных работ, вышедшее в свет в издательстве «Наука» в 2002 году. В первый том включе-

ны его важнейшие индологические исследования, во втором русская культура, «русский мир» рассматривается как важная составная часть мирового историко-культурного процесса, и в третьем, «Время и люди», представлены его воспоминания».

«Несмотря на свой солидный возраст, — отмечает в своем эссе, посвященном 95-летию Евгения Петровича Чельшева, известная российская журналистка Ольга Лавренова, — академик остается на передовом рубеже современной науки. В частности, в постперестроечные годы он стоял у истоков нового научного направления — отечественной эмигрантики».

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЬШЕВ ВЫСТУПАЕТ НА ПРЕЗЕНТАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО МНОГОТОМНОГО ТРУДА «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ».
Президиум РАН, Москва, 2012 г.

Нельзя не упомянуть еще об одном важном направлении общественной деятельности Евгения Петровича в составе Российской академии наук, которая затрагивает чувствительные струны в его душе и возрождает в памяти воспоминания былых лет. Это его бессменная многолетняя деятельность на посту председателя Совета ветеранов Великой Отечественной войны РАН. И хотя сотрудников академии, которым выпала

тяжелая доля пережить все тяготы этого события, остается, к сожалению, все меньше и меньше, их ежегодные встречи на День Победы подле памятного мемориала у главного здания РАН на Ленинском проспекте всегда проходят очень душевно и трогательно. И в этом состоит немалая заслуга академика Чельшева, который неизменно выступает организатором и вдохновителем этих мероприятий.

**ПОДПОЛКОВНИК
ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЬШЕВ. 1945 г.**

**ВСТРЕЧА ФРОНТОВИКОВ, ВЫПУСКНИКОВ ВИИЯ.
ВТОРОЙ СПРАВА — ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ. Москва, 1982 г.**

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ ВОВ РАН АКАДЕМИК ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ
ВЫСТУПАЕТ НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ,
ПОСВЯЩЕННОМ 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ**

**АКАДЕМИК ЧЕЛЫШЕВ С ПРЕЗИДЕНТОМ РАН
Ю. С. ОСИПОВЫМ, Г. И. МАРЧУКОМ У ЗДАНИЯ РАН
НА ЛЕНИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ. Москва, 2002 г.**

ТРАДИЦИОННАЯ ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ РАН У ЗДАНИИ АКАДЕМИИ НАУК 9 МАЯ. 2007 г.

**ВETERАНЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ.
2005 г.**

**ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ БЕСЕДУЕТ С ГЕНЕРАЛОМ М. А. ГОРЕЕВЫМ
ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ ПОБЕДЫ. Москва, 2008 г.**

**АКАДЕМИК ЧЕЛЫШЕВ ВОЗЛАГАЕТ ЦВЕТЫ К МЕМОРИАЛУ ПОГИБШИХ
В БОЯХ ЗА РОДИНУ ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ НАУК. Москва. 2011 г.**

**УЧАСТНИКИ МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНОЙ КОНЦЕРЕНЦИИ «60 ПОБЕДЫ».
ВТОРОЙ СЛЕВА — МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Д. Т. ЯЗОВ,
РЯДОМ С НИМ ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА РАН АКАДЕМИК Е. П. ЧЕЛЫШЕВ,
КРАЙНИЙ СЛЕВА — И. Д. КЛЕНИН. Москва, 2005 г.**

**ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЫШЕВ С ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ
РАН ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ ПОБЕДЫ
В АКАДЕМИИ НАУК. Москва, 2003 г.**

**АКАДЕМИК ЧЕЛЫШЕВ ВЫСТУПАЕТ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ МИТИНГЕ,
ПОСВЯЩЕННОМ ДНЮ ПОБЕДЫ. Москва, Академия наук, 2012 г.**

16 ноября 2016 г. в Институте востоковедения торжественно отмечалось 95-летие со дня рождения академика Е.П. Чельшева. В зале заседаний собрались его коллеги и друзья, известные ученые и общественные деятели, представители дипломатического корпуса, политики и журналисты.

Заместитель директора ИВ РАН по науке А.К. Аликберов напомнил об основных вехах жизненного пути юбиляра, заложившего основы новой научной школы в отечественном востоковедении, и огласил решение Ученого совета о награждении Евгения

ЗАМ. ДИРЕКТОРА ИВ РАН ПО НАУКЕ А. К. АЛИКПЕРОВ И ЗАМ. ДИРЕКТОРА Н. Г. РОМАНОВА ВРУЧАЮТ ЕВГЕНИЮ ПЕТРОВИЧУ ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ КРАЧКОВСКОГО, УЧРЕЖДЕННУЮ ИНСТИТУТОМ

Петровича Золотой медалью И.Ю. Крачковского, учрежденной институтом.

Академик А. Б. Куделин, специалист в области истории арабской литературы и литератур Востока, рассказал о весомом вкладе Е.П. Чельшева в отечественную русистику, о его деятельной помощи Пушкинскому Дому. Советник-посланник посольства Индии в Москве г-н Дж. Баласубраманиан тепло поздравил юбиляра и зачитал поздравительный адрес посла Индии в России г-на Панкадж Сарана, в котором был отмечен значительный вклад Е. П. Чельшева в развитие российско-индийских отношений.

Впрочем, об этом памятном и волнующем мероприятии очень хорошо, лаконично и емко рассказала в своем репортаже Ольга Лавренова. Итак, если следовать ее авторскому тексту:

«Российский военный историк генерал В.А. Золотарев вручил медаль Российского союза ветеранов. Е.П. Чельшев был одним из немногих, кто выразил протест против фальсификации советской истории и сейчас активно сотрудничает с Министерством обороны, участвует в организации исследовательских и издательских проектов, призванных дать объективную картину военной истории. Он внес существенный вклад в подготовку и издание 12-томного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов».

Евгений Петрович — национальное достояние России, — сказал член-корреспондент РАН, заместитель директора ЦЭМИ РАН, известный российский экономист Г.Б. Клейнер, — Ему удастся собрать воедино разрозненные явления современной жизни. В частности, возглавляемый академиком

АКАДЕМИКА ЧЕЛЫШЕВА ПОЗДРАВЛЯЕТ ЕГО КОЛЛЕГА,
АКАДЕМИК А. Б. КУДЕЛИН

проект о цивилизационном пути России включает в себя и экономическую составляющую. Идейное содержание трудов Чельшева и всей его жизни — справедливость в одном из высших ее пониманий, когда усилия приносят плоды. Эта справедливость гармонизирует мир.

Руководитель отдела литератур народов Азии Института востоковедения РАН, ученица и коллега юбиляра А.А. Суворова подчеркнула, что Е.П. Чельшев совершил поворот в востоковедном литературоведении — он начал заниматься изучением современности и современной литературы, положив начало направлению, которое сейчас принято называть

постколониальными исследованиями. Благодаря ему было издано несколько серий, объединивших переводы произведений выдающихся писателей и поэтов Азии. Он всегда мыслил глобально, при этом в локальном коллективе Евгений Петрович был удивительно человечен, он начальник-мечта, который умел сочетать принципиальность и снисходительность. Он всегда делал ставку на способных людей, никогда не препятствовал развитию чужого таланта, но помогал всеми силами.

Жизненные пути Е. П. Чельшева не раз пересекались с великими людьми современности, но Рерихи и их наследие стали в его жизни особой вехой, подчеркнул первый заместитель генерального директора Музея имени Н.К. Рериха П. М. Журавихин. Эти встречи были «неслучайными

С ОТВЕТНЫМ СЛОВОМ ВЫСТУПАЕТ АКАДЕМИК
ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЫШЕВ

**ДЖ. БАЛАСУБРАМАНИАН ВРУЧАЕТ АКАДЕМИКУ ЧЕЛЫШЕВУ
ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ АДРЕС ПОСЛА РЕСПУБЛИКИ ИНДИИ
Г-НА ПАНКАДЖА САРАНА**

случайностями» в его жизни. Он был знаком с В. Шibaевым, секретарем Н.К. Рериха, работал в одном кабинете с Ю.Н. Рерихом в Институте востоковедения, был знаком со С.Н. Рерихом и дружил с Л.В. Шапошниковой, доверенным лицом и исполнителем завещания Святослава Николаевича, которая воплотила в жизнь мечту старших Рерихов об общественном музее в России. Многие годы Е.П. Чельшев является нашим большим другом, единомышленником Международного Центра Рерихов. Он не раз защищал имя и наследие Н.К. Рериха от невежественных искажений современными псевдоучеными. Знамя Мира, отличительный

флаг Пакта Рериха символизирует единение искусства, науки и религии, и в творчестве Евгения Петровича мы видим тот же многогранный синтез. П.М. Журавихин передал юбиляру поздравление всего коллектива сотрудников Международного Центра Рерихов.

По мнению заместителя декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.П. Козырева, еще одна грань таланта Е.П. Чельшева раскрылась в его новой книге «Усадьба Узкое и Владимир Соловьев» (2012). В этом труде ученый провел параллели между творческим наследием Соловьева и классической индийской поэзией, показав глубинное созвучие наших

**С ПРИВЕТСТВЕННЫМ СЛОВОМ ВЫСТУПАЕТ
СОВЕТНИК-ПОСЛАНИК ПОСОЛЬСТВА ИНДИИ ДЖ. БАЛАСУБРАМАНИАН**

культур. Он также напомнил о том, что Е. П. Чельшев курирует такой известный проект, как Панаринские чтения.

Заместитель председателя научного Совета по охране и изучению природного и культурного наследия РАН, известный философ и политолог В. Н. Расторгуев сказал, что юбилей академика Чельшева отмечается практически на государственном уровне — его поздравили Президент РФ В. В. Путин, многие депутаты Государственной думы и другие известные политики, а также патриарх Кирилл. Евгений Петрович не отстаивал многие памятники церковной архитектуры, способствовал их передаче РПЦ и за свои заслуги награжден многими орденами, учрежденными церковью.

Издатель и член Союза журналистов России А. Н. Чирва процитировал слова Фазиля Искандера о том, что мудрость — это ум, настоящий на совести. И это определение как нельзя лучше подходит Е. П. Чельшеву. Он видит мир сердцем и приносит сердечность в свои научные труды. Будучи первооткрывателем русского зарубежья, он изучал его, вполне осознавая трагедию разделенности русского народа на два противоборствующих лагеря. И в каждом из них он искал правду, стараясь очистить историю от идеологических искажений.

Политолог и военный переводчик Т. А. Ганиев передал поздравление начальника Военного института Министерства обороны генерал-лейтенанта В. И. Марченкова. Слова признательности и восхищения юбиляру высказали директор Института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева А. С. Миронов, коллеги и друзья юбиляра.

УЧАСТНИКИ ТОРЖЕСТВЕННОГО СОБРАНИЯ ТЕПЛО ПОЗДРАВЛЯЮТ ЮБИЛЯРА

В завершение вечера слово взял сам Евгений Петрович. Его рассказ сконцентрировал в себе почти столетие — основные этапы жизни, которые были связаны прежде всего с выдающимися людьми XX века, оставившими неизгладимый след в судьбе и памяти. Евгений Петрович показал свои новые книги и пообещал, что они — не последние. К публикации готовится еще несколько изданий, каждое из которых раскроет новые грани таланта ученого, чьи труды и жизнь сложили целую эпоху в российской науке».

УЧАСТНИКИ ТОРЖЕСТВЕННОГО СОБРАНИЯ,
ПОСВЯЩЕННОГО 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Е. П. ЧЕЛЫШЕВА

Д. Е. Чельшев
А. Д. Чельшев

**«Одиссея»
академика
Евгения Петровича Чельшева**

Дизайн обложки: М. Маяков
Компьютерная верстка: О. Клюшенкова

Тираж 100 экз.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: info@heritage-institute.ru

Handwritten text in a cursive script, likely a letter or a note. The text is partially obscured by a large, reddish-brown stain on the right side of the page.

Handwritten text in a cursive script, continuing from the previous block. It is also partially obscured by the large, reddish-brown stain on the right side of the page.

Handwritten text in a cursive script, possibly a signature or a date. The words "Schiedam" and "den 10. Juni 1835" are discernible.

Handwritten text in a cursive script, appearing to be a name or a signature, possibly "Oudhilt".

